

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 8

август 2022

«Кони стал ведущим «адвокатом», защищающим институт присяжных.
Он много сделал для его сохранения и развития»

Кодинцев А.Я., Штыкова Н.Н. «Формирование представлений
Анатолия Фёдоровича Кони о сущности судоустройства в России
во второй половине XIX века»

Стр. 50

- Возможности использования специальных знаний в альтернативном разрешении споров
- Обоснованность приговора и рациональность правосудия
- Сущность стадии назначения и подготовки судебного заседания в контексте переосмысления роли суда в уголовном судопроизводстве
- Специфика конституционного принципа языка судопроизводства в России
- Некоторые особенности производства по уголовному делу в отношении судьи, обвиняемого в умышленном нарушении правил дорожного движения, если по неосторожности это повлекло наступление последствий, перечисленных в ст. 264 УК РФ: анализируем конкретные дела

ISSN 1812-3791

9 771812 379776 >

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

ПИ № ФС77-57988 от 28 апреля 2014 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно.

№ 8/2022

Учредители: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ», СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

3 Дьяконова О.Г. Возможности использования специальных знаний в альтернативном разрешении споров

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

8 Астафьев А.Ю. Обоснованность приговора и рациональность правосудия

13 Беседин Г.Е. О соотношении производных доказательств и принципа непосредственности в уголовном процессе России

18 Рябинина Т.К. Сущность стадии назначения и подготовки судебного заседания в контексте

переосмысления роли суда в уголовном судопроизводстве

24 Завагороднева Е.В. Некоторые проблемные вопросы реализации положений главы 52 УПК РФ

СУДОПРОИЗВОДСТВО

29 Тресков А.П. Специфика конституционного принципа языка судопроизводства в России

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

35 Колоколов Н.А. Некоторые особенности производства по уголовному делу в отношении судьи, обвиняемого в умышленном нарушении правил дорожного движения, если по неосторожности это повлекло наступление последствий, перечисленных в ст. 264 УК РФ: анализируем конкретные дела

41 Беспалова В.Р. Судебный контроль за реализацией распорядительных прав

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

45 Мельник С.В., Гомозова О.Ю. К вопросу последствий денонсации Россией Европейской конвенции по правам человека: обеспечение прав и свобод участников гражданского судопроизводства

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

50 Кодинцев А.Я., Штыкова Н.Н. Формирование представлений Анатолия Фёдоровича Кони о сущности судостроительства в России во второй половине XIX в.

56 Латышева Н.А. Столетний интервал в содержании статистического наблюдения деятельности Верховного Суда РСФСР – Верховного Суда РФ

ДИСКУССИЯ

61 Васяев А.А. О тенденции усложнения российского уголовного процесса

Подписка по России:

«Почта России». Электронный каталог — П1774,

а также через www.lawinfo.ru

Формат 60 x 90/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 4000 экз. Цена свободная.

Подписано в печать: 02.08.2022. Дата выхода в свет: 11.08.2022.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

ISSN 1812-3791

Обложка: И.Е. Репин. «Портрет А.Ф. Кони». 1898. Холст, масло (65,6 x 49).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Бабкин А.И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алауханов Е.О., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель Республики Казахстан;

Андреева Т.К., к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Гусев А.В., д.э.н., профессор;

Добрынин К.Э., статс-секретарь
Федеральной палаты адвокатов РФ;

Ершов В.В., д.ю.н., профессор;

Запольский С.В., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ;

Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда РФ,
д.ю.н., профессор;

Лебедев В.М., Председатель Верховного Суда РФ,
д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Сидоренко Ю.И., судья Верховного Суда РФ в отставке

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дедов Д.И., д.ю.н., доцент;

Жилин Г.А., судья Конституционного Суда РФ в отставке,
д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Нешатаева Т.Н., судья Суда

Евразийского экономического союза, д.ю.н., профессор;

Орлов А.В., председатель Арбитражного суда
Центрального округа, к.ю.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, академик РАО,
заслуженный юрист РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Бельх В.С., Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Фото на обложке: фотобанк Лори

РЕДАКЦИЯ: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

ВЕРСТКА: Курукина Е.И.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.02; 12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 – юридические науки).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

RUSSIAN JUDGE

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATIONAL EDITION.
REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING IN THE SPHERE
OF MASS COMMUNICATIONS, COMMUNICATION AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE.
PI No. FC77-57988. APRIL 28, 2014. PUBLISHED SINCE 1998. PUBLISHED MONTHLY.

No. 8/2022

Founders: JURIST PUBLISHING GROUP, JUDICIAL DEPARTMENT AT THE SUPREME COURT OF THE RF

CONTENTS

CIVIL LAW AND PROCEDURE

3 O.G. Dyakonova. Applicability of Special Knowledge in Alternative Dispute Resolution

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

8 A.Yu. Astafyev. Well-Foundedness of a Sentence and Rationality of Justice

13 G.E. Besedin. On the Correlation between Derivative Evidence and the Principle of Direct Proceedings in the Russian Criminal Procedure

18 T.K. Ryabinina. The Essence of the Stage of Appointment of and Preparation for a Court Hearing within the Framework of Reinterpretation of the Role of Court in Criminal Proceedings

24 E.V. Zavgorodnaya. Some Challenging Issues of Implementation of Provisions of Chapter 52 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

JUDICIAL PROCEEDINGS

29 A.P. Treskov. Specifics of the Constitutional Principle of the Language of Judicial Proceedings in Russia

THE JUDICIARY

35 N.A. Kolokolov. Some Peculiarities of Criminal Case Proceedings with Respect to a Judge Convicted of a Willful Violation of Road Traffic Safety Rules If It Resulted through Negligence in the Occurrence of Consequences Listed in Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation: An Analysis of Certain Cases

41 V.R. Beshpalova. Judicial Control over Exercising of Administrative Rights

INTERNATIONAL RELATIONS

45 S.V. Melnik, O.Yu. Gomozova. On Consequences of Denunciation of the European Convention on Human Rights by Russia: Protection of Rights and Freedoms of Parties to Civil Proceedings

HISTORICAL ROOTS

50 A.Ya. Kodintsev, N.N. Shtykova. Shaping of Views of Anatoly F. Koni on the Essence of the Judicial Structure in Russia in the Second Half of the 19th Century

56 N.A. Latysheva. A Hundred Years' Interval in the Statistical Survey of Activities of the Supreme Court of the RSFSR and the Supreme Court of the Russian Federation

DISCUSSION

61 A.A. Vasyaev. On the Tendency towards Complication of the Russian Criminal Procedure

Subscription in Russia:

Russian Post. Digital Catalogue — П1774
and also through www.lawinfo.ru

Size 60 x 90/8. Offset printing.

Offset paper № 1. Printer's sheet 6,0.

Conventional printed sheet 6,0.

Circulation 4000 copies. Free market price.

Passed for printing: 02.08.2022. Edition was published: 11.08.2022.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

2, Svetlaya st., Kaluga, 248031.

ISSN 1812-3791

Cover: I.E. Repin. "Portrait of A.F. Koni". 1898. Canvas, oil (65,6 x 49)

EDITOR IN CHIEF OF JOURNAL:

Babkin A.I.

EDITORIAL BOARD:

Alaukhanov E.O., LL.D., Professor,
Honored worker of the Republic of Kazakhstan;

Andreeva T.K., PhD (Law), Professor,
Honored Lawyer of the RF;

Gusev A.V., Doctor of Economics, Professor;

Dobry'nin K.E., the State Secretary
of the Federal Chamber of Lawyers of the RF;

Ershov V.V., LL.D., Professor;

Zapol'skij S.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Zor'kin V.D., Chairman, the Constitutional Court of the RF,
LL.D., Professor;

Lebedev V.M., Chairman, the Supreme Court
of the RF, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Sidorenko Yu.I., Judge of the Supreme Court (retired)

EDITORIAL STAFF:

Dedov D.I., LL.D., Associate Professor;

Zhilin G.A., Judge of the Constitutional Court of the RF
in resignation, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the RF;

Neshataeva T.N., Judge of the Court of the Eurasian Economic
Union, LL.D., Professor;

Orlov A.V., the Chairman of the Arbitration court
of the Central district, PhD (Law)

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., Professor, Academician of the RAE, Honored
Lawyer of the RF

DEPUTY EDITORS IN CHIEF

OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov E.H., Platonova O.F.,
Truncevskij Yu.V.

CENTRE FOR EDITORIAL SUBSCRIPTION:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Photo of the cover: Lori Photobank

EDITORIAL OFFICE: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

LAYOUT: Kurukina E.I.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Telephone of the Editorial Staff: (495) 953-91-08.

Address of Editorial office / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb, Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

The journal is included in the database Russian science citation index.

Recommended by the Supreme Attestation Commission under
the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of PhD and doctoral theses (12.00.02;
12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 – law science).
Copyright reserved. Complete or partial reproduction of authors'
materials without prior written permission of the authors
or the Editorial Staff shall be subject to legal prosecution.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-8-3-7

Возможности использования специальных знаний в альтернативном разрешении споров

Дьяконова Оксана Геннадьевна,
профессор кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент
oxana_diakonova@mail.ru

Использование специальных знаний осуществляется в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности в различных формах и видах. Мировая практика подтверждает использование специальных знаний в виде проведения исследования и дачи экспертного заключения и в процедурах альтернативного разрешения споров. Рассматриваются вопросы об альтернативной экспертизе как виде использования специальных знаний в непроцессуальной форме, о соотношении эксперта и специалиста, о возможности последнего проводить экспертное исследование. В связи с необходимостью снижения нагрузки на судебную систему весьма актуален вопрос о возможности использования альтернативной экспертизы и консультации специалиста в проведении переговоров, медиации, арбитраже и других альтернативных способах разрешения споров в России. Анализируя формы и виды использования специальных знаний, а также рассматривая зарубежный опыт, автор делает вывод о возможности и необходимости реализации таких видов использования специальных знаний в альтернативном разрешении споров. При этом автор ставит вопросы, ответы на которые неоднозначны ввиду отсутствия научных исследований и нормативного регулирования.

Ключевые слова: использование специальных знаний, судебная экспертиза, альтернативная экспертиза, судопроизводство, эксперт, специалист.

Applicability of Special Knowledge in Alternative Dispute Resolution

Oksana G. Dyakonova
Professor of the Department of Forensic Examinations
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
LL.D., Associate Professor

The use of special knowledge is carried out in legal proceedings and other types of jurisdictional activities in various forms and types. World practice confirms the use of special knowledge in the form of conducting research and giving an expert opinion and in alternative dispute resolution procedures. The article discusses questions about alternative expertise as a form of using special knowledge in a non-procedural form, about the ratio of an expert and a specialist, about the possibility of a specialist to conduct expert research. Due to the need to reduce the burden on the judicial system, the question of the possibility of using alternative expertise and expert advice in negotiations, mediation, arbitration, and other alternative dispute resolution methods in Russia is very relevant. Analyzing the forms and types of use of special knowledge, as well as considering foreign experience, the author concludes that it is possible and necessary to implement such types of use of special knowledge in alternative dispute resolution. At the same time, the author raises questions, the answers to which do not unambiguous at present, due to the lack of scientific research and regulatory regulation.

Keywords: use of special knowledge, forensic expertise, alternative expertise, legal proceedings, expert, specialist.

Введение. Положительную динамику использования специальных знаний (далее — ИСЗ) в судопроизводстве портят несовершенство нормативного регулирования и выработанные практикой, пытающейся приспособиться к пробелам и противоречиям законодательства в отрыве от научных идей и разработок, некие паттерны. Привычное применение ошибочных подходов к привлечению того или иного вида ИСЗ усугубляет ситуацию, прежде всего, тем, что не способствует по-

иску путей разрешения проблем. С учетом тенденции увеличения количества рассматриваемых судами дел возникает вопрос: каким образом и какие виды ИСЗ способны содействовать ускорению рассмотрения и разрешения дел без потери качества или даже, возможно, предотвращать их?

1. В связи с закреплением в законе положений о тех или иных видах ИСЗ и доказательственном значении их результата, в судебной экспертологии принято выделять виды ИСЗ в рамках процессуальной

и непроцессуальной формы¹. Непроцессуальные формы представляют особый интерес в том смысле, что результаты их применения сведущим лицом могут в последующем приобщаться в судопроизводстве в качестве доказательств. При этом следует констатировать отсутствие законодательной регламентации порядка их получения и приобщения. Непридание их результатам значения доказательства зачастую сводит на нет деятельность сведущего лица. Однако существуют и другие виды ИСЗ, не получившие в нашей стране нормативное регулирование. Таким видом является обращение к конкретному частному эксперту или в судебно-экспертную организацию с целью проведения экспертного исследования по соответствующим задачам экспертной методике и получения заключения эксперта по вопросам, требующим специальных знаний.

2. Несмотря на вполне определенную сущность указанного выше вида — экспертное исследование, — возникает понятийно-смысловой вопрос о его наименовании. Проведенное ранее по вопросу о сущности экспертизы исследование позволило сделать вывод о возможности классификации экспертиз по комплексному критерию «субъект, поручающий проведение экспертного исследования + полученный результат + сфера его применения». В этой связи определены следующие виды экспертиз: судебная (в рамках предварительного расследования и судопроизводства в узком смысле), экспертиза в иных видах юрисдикционной деятельности — налоговой, таможенной, нотариальной и других, и альтернативная экспертиза — исследование, которое может применяться как альтернатива экспертизе, назначаемой лицами или органами, ведущими процесс, в различных видах юрисдикционной деятельности. При этом ученые, признавая существование такого вида ИСЗ на практике, по-разному именуют его: несудебная², аль-

тернативная³, встречаются также термины «внесудебная» или «досудебная». Многие практикующие юристы и частные эксперты используют термин «независимая экспертиза», что вполне обоснованно критикуется учеными⁴. Употребление этого термина представляется неверным, поскольку классификация экспертиз по основанию «зависимости» от чего- или кого-либо нарушает принципы логики и дискредитирует юрисдикционную деятельность.

Предлагается использовать термин «альтернативная экспертиза». Он более подходящий, поскольку, исходя из прямого значения, альтернативная экспертиза — это экспертное исследование, противопоставляемое судебной экспертизе, т.е. назначенной ведущим процесс властным субъектом по собственной инициативе либо по ходатайству субъектов и осуществляемой в процессуальной форме⁵.

3. Альтернативная экспертиза относится к непроцессуальным видам ИСЗ. Можно отметить, что непроцессуальные виды в целом характеризуются определенными признаками, которые можно распространить и на альтернативную экспертизу: 1) отсутствием или недостаточностью нормативного регулирования порядка обращения к сведущему лицу (эксперту — за исследованием, специалисту — за консультацией), правомочий и обязанностей лиц, вовлеченных в ИСЗ, а также правового статуса результата ИСЗ (экспертного заключения или консультации специалиста); 2) наличием сведущего лица, обладающего специальными знаниями; 3) наличием объекта исследования или предмета консультации (обстоятельств, которые требуют профессионального суждения или разъяснения), которыми обладает на за-

¹ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертиза) : учебник / под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 20.

² Иванова Е.В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами : дис. ... д-ра юрид. наук. Коломна, 2016. С. 275–276.

³ Россинская Е.Р. Законодательство о судебной экспертизе и пути его совершенствования // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы 3-й Международной научно-практической конференции (г. Москва, 25–26 января 2011 г.) : сб. науч. ст. М. : Проспект, 2011. С. 47.

⁴ Внуков В.И., Зайцева Е.А. Независимая экспертиза в уголовном судопроизводстве России : монография. Волгоград : ВА МВД России, 2008. С. 27.

⁵ Альтернативный — противопоставленный другому, его исключаящий. См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2003. С. 23.

конных основаниях лицо, обращающееся к эксперту.

В отношении альтернативной экспертизы можно выделить также признаки, «роднящие» ее с судебной экспертизой: наличие цели обращения к эксперту — проведение исследования на основании апробированной методики, а также получение результатов исследования и формулирование выводов для отражения их в экспертном заключении. Альтернативные экспертизы отличаются от судебных, порядком назначения, процессуально-правовым статусом субъектов, имеющих возможность определять необходимость проведения экспертного исследования и поручать его производство конкретному эксперту, особенностями юридического оформления (договорные отношения). Но сущность альтернативной экспертизы — проведение исследования объектов по методике, основанной на применении специальных знаний в соответствующей решаемым задачам области, — совпадает с сущностью судебной экспертизы. В то же время различаются сферы общественной деятельности, в которых можно использовать результат альтернативной экспертизы.

4. Альтернативное разрешение споров (далее — АРС) в широком смысле — совокупность различных видов деятельности, основной целью которых является урегулирование конфликтов и споров, происходящее во внесудебном порядке как до обращения в суд, так и в процессе рассмотрения дела в суде. В последнем случае суд принимает решение об отложении (гражданский и арбитражный процесс) либо приостановлении судебного разбирательства (административное судопроизводство). Мировой практике АРС известно множество способов или процедур, применяемых для достижения обозначенной выше цели: независимое заключение эксперта или экспертное определение (заключение), переговоры, переговоры с участием посредника, посредничество, примирение, посредничество-арбитраж и др. Учеными определены признаки АРС⁶.

Так, полностью конфиденциальная процедура под названием «независимое заключение эксперта» проходит несколько

этапов⁷: определение проблемы исследования, поиск нейтрального по отношению к сторонам сведущего лица; заключение соглашения, в котором помимо прочего устанавливается добровольность выполнения сторонами решения, изложенного в выводах эксперта; исследование экспертом обстоятельств спора, проведение экспертом как совместных, так и индивидуальных встреч и опросов сторон, получение необходимых для исследования материалов, в итоге составление отчета-резюми, в котором изученные факты находят свое выражение в выводах эксперта в виде описания конкретных действий по вопросам урегулирования конфликта. В судебном разбирательстве, если оно в последующем состоится, сведения, изложенные в отчете, не могут рассматриваться в качестве доказательства, но выводы могут восприниматься как возможный вариант решения спора.

В некоторых публикациях такой эксперт именуется *special master*, что подразумевает несколько субъектов от судебного распорядителя до особого консультанта или эксперта, который анализирует материалы спора и обсуждает со сторонами обстоятельства, предлагая, по сути, решение конфликта. Зачастую это назначенные судом в установленном порядке лица, подчиняющиеся судье и обеспечивающие фактическое выполнение судебных распоряжений. Либо исследующие от имени судьи доказательства, которые стороны планируют представить в процесс и вносящие судье рекомендации по поводу решения дела⁸. И такой подход к пониманию эксперта в этой процедуре заставляет по-другому воспринимать этот вид АРС. Его можно считать разновидностью процедур независимого заключения эксперта (экспертного определения). В то же время введение такого субъекта, как «специальный мастер», в российское судопроизводство в качестве процессуального участника вряд ли возможно.

⁷ Polsky A.S. Neutral Fact-Finding as A Tool To Resolve Employment Disputes // *The Corporate Counsel*. 2007. July.

⁸ Levie R.A. Checklists to Save Clients Time and Money in a Big Case. URL: https://www.jamsadr.com/files/Uploads/Documents/Articles/Levie_Checklists_Law_2014-07-07.pdf; Shachner L.S. Utilizing a Special Master/Referee in Complex Litigation: A Mediator's Personal Account // *The New York Law Journal*. 2022. 18 March.

⁶ Носырева Е.И. Альтернативное разрешение споров в США. М.: Городец, 2005. С. 160.

Однако стороны конфликта еще до обращения в суд могут самостоятельно обратиться к сведущему лицу с целью проведения исследования для установления обстоятельств и получения заключения по вопросам урегулирования спора. На это обращает внимание И.В. Решетникова, выделяя в качестве одного из направлений АРС «примирение на уровне экспертных исследований»⁹. Кроме того, верно отмечает Е.И. Носырева, независимая экспертиза может быть самостоятельным методом разрешения конфликта либо составной частью другой альтернативной процедуры, при этом, в отличие от других способов, она не имеет никаких типовых границ, полагаясь полностью на усмотрение сторон¹⁰. Таким образом, при проведении, например, процедуры медиации, посредник может рекомендовать сторонам обратиться к сведущему лицу для исследования обстоятельств спора по материалам, представленным сторонами, и предложения вариантов решения конфликта.

Американское законодательство и доктрина в целом не разделяют сведущих лиц в зависимости от осуществляемой ими функции, в отличие от российского законодательства и судебной экспертологии. Но представляется возможным разграничить консультацию специалиста и проводимое экспертом исследование и выделить два вида ИСЗ, которые могут осуществляться в рамках АРС. Однако вопрос о проведении специалистом исследования в судебной экспертологии и процессуальной науке является дискуссионным. Если допускать, что специалист проводит исследование, следует уточнять, что оно ни в коем случае не является экспертным. Специалист не использует экспертные методики для осуществления исследования, как правило, пользуясь совокупностью общенаучных методов, и не применяет, за исключением, пожалуй, компьютера, технические средства и оборудование, без которых сложно представить экспертное исследование. В совокупности эти два фактора обеспечи-

вают разграничение исследования специалиста и эксперта. Поэтому, отталкиваясь от узкого понимания термина «исследование», подразумевая под ним «экспертное исследование», в судебной экспертологии принято, что специалист исследование не проводит.

Однако такое четкое разделение актуально для судопроизводства, в котором следует определять процессуально-правовой статус участника в соответствии с его функцией и запрещается совмещать разные статусы. Что касается АРС, можно выделить два обусловленных функционально вида: участие эксперта в АРС — альтернативную экспертизу и консультацию специалиста. Но при этом на практике стороны конфликта могут привлекать сначала специалиста для консультации, а затем, в зависимости от поставленных задач, поручить ему проведение экспертного исследования.

Возможно также рассматривать в качестве реализации консультационной функции специалистом в судопроизводстве привлечение медиатора для проведения соответствующей процедуры¹¹. Данный вывод можно подтвердить и тем, что цель ИСЗ не противоречит общей цели АРС, напротив, ее выполнение вполне может способствовать достижению последней.

5. Оформление результата деятельности сведущего лица в АРС и его использование вызывает несколько вопросов. Например: как должен быть оформлен результат обращения к сведущим лицам применительно к тому или иному виду АРС, должны ли стороны в итоге заключать какой-либо договор либо мировое соглашение? В случае заключения последнего следует ли утверждать его в судебном или нотариальном порядке? В общем виде ответы на эти вопросы содержатся в положениях ст. 12 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

⁹ Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве : избранное. М. : Статут, 2019.

¹⁰ Носырева Е.И. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 31.

¹¹ Дьяконова О.Г. Участие специалиста-медиатора как разновидность использования специальных знаний в судопроизводстве // Криминалистические чтения на слобожанщине : материалы Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 8 октября 2021 г.) : сб. науч. ст. / под ред. Н.А. Жуковой. Белгород, 2021. С. 46–49.

В отношении фигуры сведущего лица тоже возникает вопрос: кто может быть привлечен в качестве специалиста или эксперта, какой компетентностью он должен обладать, какие требования к техническим средствам, оборудованию должны предъявляться? При ответе на них в целом можно ориентироваться на разработанные судебной экспертологией положения о компетентности судебного эксперта и требований к его подготовке. На законодательном уровне до настоящего времени такие общие положения установлены только в отношении судебных экспертов — сотрудников государственных судебно-экспертных организаций. Поэтому данный вопрос требует проведения дополнительного исследования.

Выводы. Таким образом, во-первых, альтернативная экспертиза и консультация специалиста как виды ИСЗ могут уже сейчас применяться в различных процедурах в рамках АРС, направляя участников конфликтов к взаимовыгодному его разрешению и добровольному исполнению. Во-вторых, представляется необходимым усилить информационное обеспечение о возможностях использования альтернативной экспертизы и консультации специалиста в АРС, а также продумать нормативную регламентацию указанных видов ИСЗ в АРС, что обеспечит информационную и организационные составляющие данных видов деятельности.

Литература

1. Внуков В.И. Независимая экспертиза в уголовном судопроизводстве России : монография / В.И. Внуков, Е.А. Зайцева. Волгоград : ВА МВД России, 2008. 156 с.
2. Дьяконова О.Г. Судебная экспертиза в арбитражном процессе / О.Г. Дьяконова // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 5. С. 14–18.
3. Дьяконова О.Г. Участие специалиста-медиатора как разновидность использования специальных знаний в судопроизводстве / О.Г. Дьяконова // Криминалистические чтения на слобожанщине : материалы Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 8 октября 2021 г.) : сборник научных статей / под редакцией Н.А. Жуковой. Белгород : Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 46–49.
4. Иванова Е.В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами : диссертация доктора юридических наук / Е.В. Иванова. Коломна, 2016. 468 с.
5. Носырева Е.И. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США : автореферат диссертации доктора юридических наук / Е.И. Носырева. Москва, 2001. 68 с.
6. Носырева Е.И. Альтернативное разрешение споров в США / Е.И. Носырева. Москва : Городец, 2005. 320 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. Москва : ЛД ИНВЕСТ: Азбуковник, 2003. 944 с.
8. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве : избранное / И.В. Решетникова. Москва : Статут, 2019. 507 с.
9. Россинская Е.Р. Законодательство о судебной экспертизе и пути его совершенствования / Е.Р. Россинская // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы 3-й Международной научно-практической конференции (г. Москва, 25–26 января 2011 г.) : сборник научных статей. Москва : Проспект, 2011. С. 43–50.
10. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин ; под редакцией Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2020. 368 с.

References

1. Levie R.A. Checklists to Save Clients Time and Money in a Big Case / R.A. Levie. URL: https://www.jamsadr.com/files/Uploads/Documents/Articles/Levie_Checklists_Law_2014-07-07.pdf
2. Polsky A.S. Neutral Fact-Finding as A Tool To Resolve Employment Disputes / A.S. Polsky // The Corporate Counsel. 2007. July.
3. Shachner L.S. Utilizing A Special Master/Referee in Complex Litigation: A Mediator's Personal Account / L.S. Shachner // The New York Law Journal. 2022. 18 March.

Обоснованность приговора и рациональность правосудия

Астафьев Алексей Юрьевич,

доцент кафедры уголовного процесса Воронежского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
woltgam@rambler.ru

В настоящей статье автором анализируется понятие «обоснованность приговора». Автор обращает внимание на философско-правовое, аксиологическое значение обоснования судебного акта. Обоснованное решение рассматривается как итог рациональной процедуры. Правильное понимание обоснованности приговора, по мнению автора, требует уточнения объема данного понятия, охватывающего фактологическую и логическую обоснованность. В статье также затрагивается вопрос о том, всегда ли от судьи требуется рационально объясняющее обоснование в приговоре.

Ключевые слова: обоснованность приговора, доказательства, доводы сторон, выводы суда.

Well-Foundedness of a Sentence and Rationality of Justice

Aleksey Yu. Astafyev

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Voronezh State University
PhD (Law), Associate Professor

In this article, the author analyzes the concept of the validity of the sentence. The author draws attention to the philosophical, legal, axiological significance of the justification of the sentence. A justified decision is considered as the result of a rational procedure. A correct understanding of the reasoning of the sentence requires clarification of the scope of this concept, covering factual and logical reasoning.

Keywords: reasoning of the sentence, evidence, arguments of the parties, court findings.

Обоснование юридических актов играет огромную роль в правоприменительной деятельности: требование обоснованности призвано сдерживать дискреционные полномочия властных субъектов и препятствовать злоупотреблению ими правом. Без надлежащего обоснования — без «правосудной мотивации», по выражению П.И. Люблинского¹, — судебное усмотрение неизбежно превращается в произвол. Обоснованность — сложная содержательная характеристика решения, оценка которой позволяет говорить о его информативности, убедительности, законности. По этой причине необходимость надлежащего обоснования должна догматизироваться как принцип применения права, как универсальное дисциплинирующее правило, следование которому придает правосудию подлинную социальную ценность.

¹ Люблинский П.И. Основания судебного усмотрения в уголовных делах. Доклад для Киевского съезда Русской группы международного союза Криминалистики. СПб., 1904. С. 29.

Обоснованность судебного акта, по нашему мнению, правомерно рассматривать и в этико-юридическом аспекте. Обоснование решения является выражением рациональности судебного процесса, его внутренней логики. Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) в своих постановлениях отмечает существование общественного запроса на эффективное и *рациональное правосудие*², подразумеваемое под рациональностью, исходя из контекста, разумность и справедливость судебного разбирательства.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2011 г. № 17-П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2017 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Савченко»; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2011 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какueva» // СПС «КонсультантПлюс».

Идея справедливой процедуры в конечном счете воплощается в законном и обоснованном решении — его развернутой мотивировке, рациональной оценке обстоятельств дела и доводов сторон. Рациональность, таким образом, — понятие, применимое как к решению (результату обоснования итогов судебного познания), так и к правоприменительной деятельности, предшествующей ему.

«Обоснованность» и «рациональность» — очень близкие по своей семантической сущности категории, но все же не совпадающие. Концепт «обоснования» не способен нести достаточно полную экспликацию «рациональности»³, хотя и дает многое для ее понимания. Обоснование — средство достижения рациональности, даже если само оно не является строго рациональным, не обладает четкой логической структурой. Впрочем, порядок обоснования судебных актов предельно нормирован. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) содержит общие правила конструирования судебной рациональности, устанавливая перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, виды доказательств, подробно регламентируя содержание описательно-мотивировочной части приговора, и т.д. Обоснованность выводов судьи основывается на относимости и допустимости доказательств и в идеале дополняется качественным аргументативным анализом их достоверности и достаточности.

Одна из особенностей судебного обоснования заключается в том, что оно в ряде случаев включает также интерпретацию правовых норм. При постановлении приговора судья может столкнуться с необходимостью толкования норм как материального права (чаще всего это вопросы квалификации), так и процессуального. Как специфический вид обоснования, интерпретация является способом поиска рациональности.

Называя обоснованность содержательной характеристикой приговора, мы должны сделать несколько уточнений.

Во-первых, критерии обоснованности разных решений, в том числе разных при-

говоров, неодинаковы, что обусловлено, прежде всего, процессуальной формой рассмотрения уголовных дел (общий порядок, особый порядок, разбирательство дела с участием присяжных заседателей), а значит, обоснованность не может быть инвариантной характеристикой, в равной мере относимой ко всем судебным решениям. Каждая процессуальная форма имеет свои гносеологические рамки — те пределы, в которых осуществляется познание, что и предопределяет специфику обоснованности итогового судебного акта. Обоснованность применительно к приговору, вынесенному в особом порядке и в суде присяжных, должна трактоваться ограничительно и зависит от того, что в конкретном случае следует понимать под рациональностью процедуры. В суде присяжных, как представляется, основное внимание должно уделяться эффективности взаимодействия председательствующего и присяжных заседателей (обоснованность разъяснений председательствующего судьи, корректность постановки вопросов при составлении вопросного листа и т.д.), что позволяет обеспечить вынесение объективного вердикта, на который будет опираться приговор. Рациональность особого порядка и правосудность выносимого приговора опосредуются законностью и обоснованностью решения судьи о проведении судебного разбирательства по правилам главы 40 УПК РФ.

Во-вторых, с течением времени складываются упрощенные схемы обоснования приговоров, считающиеся приемлемыми, что в общем виде ранее освещалось нами⁴. Происходит воспроизведение устоявшихся моделей — языковых и когнитивных штампов, заменяющих анализ доказательственного материала. В противовес данной тенденции, закономерность и неизбежность которой — тема для отдельного обсуждения, с теоретической и практической точки зрения возможным решением стала бы разработка руководящих принципов обоснования приговора как методологического инструментария для правоприменителя. Консультативный совет европейских

³ Шнедельбах Г. О рациональности и обосновании // Вестник Томского государственного университета. Сер. : Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 297–309.

⁴ Астафьев А.Ю. Обоснованность приговора суда (логико-правовой анализ) // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 50–52; Его же. О технике обоснования выводов суда в приговоре // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 55–57.

судей показательно отмечает, что каждый судья может выбрать свой собственный стиль и структуру или же использовать стандартный образец, если такой существует. Рекомендуются отбирать отдельные примеры из судебной практики для облегчения процесса составления проектов решений⁵. Идея создания корпуса текстов «эталонных» приговоров, безусловно, заслуживает внимания. Академические юристы и практики могли бы объединить свои усилия в работе по ее реализации. Убеждены, что своей интерпретационной техникой образцом обоснования должны служить акты Конституционного Суда РФ, мотивировка которых представляет собой развернутое аналитическое объяснение, *правовое рассуждение*.

Обоснование — отражение сложного процесса судебного познания, исследовательской деятельности, которая включает установление юридической пригодности сведений о фактах, выявление связей между ними (отношения совместимости/несовместимости) и при необходимости устранение противоречий; наконец, определение общей весомости доказательств (их достаточности).

Собственно, доказательственная деятельность суда при постановлении приговора сводится к оценке доказательств и приведению их в систему. Наличие достаточного количества согласованных, обосновывающих фактов позволяет считать приговор обоснованным.

В ст. 389.16 УПК РФ дважды указывается на *непротиворечивость* доказательств как необходимое условие обоснованности приговора. Непротиворечивость доказательств — суть их сопоставимость и подтверждаемость. Обоснованный приговор должен содержать систему согласованных между собой доказательств. Важно обоснование характера связи между ними, особенно при наличии в деле одних косвенных доказательств. Дореволюционные юристы для обозначения такой прочной связи между доказательствами использовали термин «гармония улики»⁶. Гармония

улик создается судьей путем их анализа, раскрытия содержания доказательств, их последовательного изложения в приговоре.

Обоснованность выводов суда предполагает также *полноту* установления всех обстоятельств предмета доказывания с должной конкретизацией. Полнота представляет собой одно из базовых свойств информации, которое означает, что состав информации достаточен для принятия правильного решения. Это субъективно определяемое количество данных, на основе которых может быть сделан однозначный вывод. Категория «полнота» уже давно прочно вошла в самую юридическую фразеологию в сфере судебного правоприменения («*оценивая в совокупности приведенные доказательства, суд приходит к выводу о том, что они с достаточной полнотой подтверждают вину подсудимого...*» и т.п.), став неотъемлемой частью судебных мотивировок.

Если система доказательств обладает свойствами полноты и непротиворечивости, она может считаться *целостной*. Неподтверждаемость отдельных вспомогательных и промежуточных фактов не ставит под сомнение доказанность обвинения, не влияет на целостность системы доказательств.

Обвиняемый по делу об убийстве дал показания, в которых пояснил, что несколько раз ударил потерпевшего, затем, набросив петлю из веревки на его шею, тащил к выходу из дома, затем отвез к колодцу, куда сбросил его вниз головой. Обстоятельства убийства, изложенные обвиняемым в этих показаниях, подтверждались как протоколом осмотра места происшествия, в котором зафиксировано обнаружение трупа в колодце вниз головой, так и заключением эксперта о наступлении его смерти от механической асфиксии от сдавливания шеи петлей. При этом судебно-медицинским экспертом на трупе не были обнаружены признаки волочения. Данный факт (отсутствие следов волочения), как справедливо указал суд, не опровергает совокупность доказательств, свидетельствующих о совершении убийства подсудимым⁷.

⁵ Заключение № 11 Консультативного совета европейских судей «О качестве судебных решений» (CCJE(2008) Op. № 5). URL: <https://tm.coe.int/16807482bf> (дата обращения: 01.12.2019).

⁶ Жиряев А.С. Теория улик. Дерпт, 1855. С. 1884; Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 426.

⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 93-ДП05-17 // СПС «КонсультантПлюс».

Правильное понимание обоснованности приговора требует, кроме того, рассмотрения взаимосвязи корректности выводов суда, их фактологической основы и убедительности приговора как следствия его обоснованности. Именно обоснование выводов в приговоре является способом рационального убеждения адресатов судебного акта. Связь обоснованности с убедительностью всегда подчеркивалась и в юридической⁸, и в философской науке⁹. Убеждающая сила правового обоснования судебных актов учеными и практикам рассматривается как проявление принципа верховенства права¹⁰. Однако любое суждение об убедительности обоснования в приговоре является весьма условным и требует оговорок. Судебный текст не носит выраженный персуазивный¹¹ аспект. Приговор выполняет свою коммуникативную функцию, если он понятен для адресата. При этом нет юридических способов, позволяющих установить, насколько убедительны выводы суда. Более того, стороны заинтересованы в отстаивании удобной для себя позиции и в наиболее выгодном для себя исходе дела, поэтому в своих жалобах могут указывать на необоснованность приговора, даже если он вполне убедителен.

Оценка убедительности приговора дается вышестоящими судебными инстанциями при проверке его обоснованности. «Приведенные аргументы убедительны, сомнений в объективности и правильности не вызывают», «судебная коллегия находит неубедительными до-

воды», «в приговоре содержатся убедительные мотивировки» — определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изобилуют подобными формулировками. Обоснованным в этой связи допустимо называть приговор, удовлетворяющий внутреннему убеждению вышестоящего суда.

Убедительность приговора — психологическая составляющая его обоснованности, не связанная с юридическими аспектами обоснования. Приговор может быть полностью понятен, убедителен, но опираться на недопустимые доказательства, что ставит под сомнение его обоснованность. Равным образом приговор, вынесенный, к примеру, незаконным составом суда (т.е. подлежащий отмене ввиду существенных процессуальных нарушений), может быть обоснованным и убедительным.

Более сложный и отчасти провокационный вопрос: должен ли сам судья быть убежден в истинности своего решения? Согласно результатам исследования, осуществленного Е.Д. Горевым, более 54% опрошенных им судей признались, что приняли решение по уголовному делу вопреки внутреннему убеждению¹². При проведении нами анкетирования судей респондентам задавался аналогичный вопрос. 13% опрошенных ответили на него утвердительно, а 10% затруднились ответить¹³. Несмотря на то что цифры разнятся, в обоих случаях они дают повод для серьезных размышлений. Если решение принимается вопреки внутреннему убеждению, что обосновывается в приговоре? Можно заключить, что в некоторых ситуациях обоснование выступает средством придания правдоподобности выводам, в истинности которых судья не уверен.

Ограничение судебной дискреции через обоснование, следовательно, не так уж велико. Скорее здесь наблюдается обратная связь: судья самостоятельно или под давлением принимает решение, а затем подводит под него обоснование.

⁸ Дорохов В.Я., Николаев В.С. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. М., 1959. С. 125; Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 165; и др.

⁹ Философский энциклопедический словарь. М., 2003. С. 141; Новоселов М.М. Обоснование // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 126; Кузина Е.Б. О понятии доказательства // Логические исследования. 2018. № 2. С. 100–107; и т.д.

¹⁰ Зупанчич Б. Об универсальной природе прав человека // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2007. № 6. С. 26.

¹¹ Под персуазивностью понимается воздействие автора сообщения на реципиента с целью убеждения, призыва к совершению какого-либо действия. См., напр.: Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. М., 2006. С. 25.

¹² Горевой Е.Д. Внутреннее судейское убеждение в оценке доказательств по уголовным делам. М., 2008. С. 132.

¹³ Астафьев А.Ю. Процессуальные гарантии эффективности правосудия по уголовным делам. М., 2014. С. 181–182.

Поэтому обоснование нужно рассматривать как проявление судебного мышления вовне (в тексте) с учетом ситуативного влияния внешних факторов. Однако при таком подходе проблема качества обоснования становится особенно значимой. Логическая правильность суждений не отменяет необходимости правильной оценки фактов. Л. Витгенштейн когда-то провозгласил: все, что может быть высказано,

может быть высказано ясно¹⁴. В переводе на юридический язык эта формула, будучи расширенной за свои логические границы, может звучать так: то, что должно быть обосновано, должно быть обосновано корректно, с достаточной полнотой и непротиворечивостью.

¹⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_08/1999_8_07.htm (дата обращения: 12.01.2020).

Литература

1. Астафьев А.Ю. О технике обоснования выводов суда в приговоре / А.Ю. Астафьев // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 55–57.
2. Астафьев А.Ю. Обоснованность приговора суда (логико-правовой анализ) / А.Ю. Астафьев // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 50–52.
3. Астафьев А.Ю. Процессуальные гарантии эффективности правосудия по уголовным делам / А.Ю. Астафьев. Москва : Юрлитинформ, 2014. 208 с.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_08/1999_8_07.htm (дата обращения: 12.01.2020).
5. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. Тула : Автограф, 2000. 464 с.
6. Горевой Е.Д. Внутреннее судебское убеждение в оценке доказательств по уголовным делам / Е.Д. Горевой. Москва : Юлитинформ, 2008. 133 с.
7. Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю.М. Грошевой. Харьков : Вища школа, 1979. 144 с.
8. Дорохов В.Я. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе / В.Я. Дорохов, В.С. Николаев. Москва : Госюриздат, 1959. 236 с.
9. Жиряев А.С. Теория улик / А.С. Жиряев. Дерпт : Тип. Г. Лаакманна, 1855. 214 с.
10. Зупанчич Б. Об универсальной природе прав человека / Б. Зупанчич // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2007. № 6. С. 26.
11. Кузина Е.Б. О понятии доказательства / Е.Б. Кузина // Логические исследования. 2018. № 2. С. 100–107.
12. Люблинский П.И. Основания судебного усмотрения в уголовных делах: Доклад для Киевского съезда Русской группы международного союза криминалистов / П.И. Люблинский. Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1904. 34 с.
13. Новоселов М.М. Обоснование / М.М. Новоселов // Новая философская энциклопедия. В 4 томах. Т. 3. Москва : Мысль, 2010. 692 с.
14. Философский энциклопедический словарь. Москва : ИНФРА-М, 2003. 575 с.
15. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учебное пособие / В.Е. Чернявская. Москва : ФЛИНТ: Наука, 2006. 136 с.
16. Шнедельбах Г. О рациональности и обосновании / Г. Шнедельбах // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 297–309.

Центр редакционной подписки:

тел. (495) 617-18-88 — многоканальный

8-800-333-28-04 (по России бесплатно)

адрес электронной почты: podpiska@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-8-13-17

О соотношении производных доказательств и принципа непосредственности в уголовном процессе России

Беседин Глеб Евгеньевич,

магистр права, LL.M (Университет Париж II Пантеон-Ассас),
магистр юриспруденции (Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова (МГУ))
bessedin.gleb@gmail.com

В статье рассматривается принцип непосредственности в российском уголовном процессе, в ходе чего обращается внимание на то, что в настоящее время данный принцип не соответствует в полной мере своему назначению. Это происходит оттого, что, во-первых, наполовину редуцировано его содержание, а во-вторых, сокращена сфера применения рассматриваемого принципа в уголовном процессе. Как следствие, в уголовном процессе, в частности, престала замечаться взаимосвязь между принципом непосредственности и производными доказательствами. В то же время правильное понимание принципа непосредственности имеет большое практическое значение для определения пределов допустимого использования производных доказательств в доказывании по уголовным делам органами расследования, прокуратуры и суда.

Ключевые слова: принцип непосредственности, первоначальные доказательства, производные доказательства, доказывание, оценка доказательств, уголовный процесс.

On the Correlation between Derivative Evidence and the Principle of Direct Proceedings in the Russian Criminal Procedure

Gleb E. Besedin

LL.M. (Paris 2 Panthéon-Assas University)
LL.M. (Lomonosov Moscow State University (MSU))

The article discusses the best evidence rule in the Russian criminal proceedings, during the author draws attention to the fact that at present this principle doesn't fully correspond to its purpose. This happens because, firstly, its content is reduced by half, and secondly, the scope of application of the principle under is also reduced. As a result, the relationship between the best evidence rule and the hearsay has ceased to be noticed in the criminal proceedings. At the same time, a correct understanding of the best evidence rule is of great practical importance for determining the limits of the permissible use of hearsay in criminal cases.

Keywords: best evidence rule, direct evidences, hearsay, establishment of facts, evaluating of evidences, criminal proceedings.

Поразительной бывает судьба некоторых уголовно-процессуальных идей: они могут видоизменяться до такой степени, что их истинный облик напрочь забывается. Примером этого может служить принцип непосредственности, который, по нашему мнению, за историю своего существования в отечественном уголовном процессе был по необъяснимым причинам «обокраден», причем дважды. В результате этого сейчас принцип непосредственности усечен как с точки зрения своего содержания (наполнения), так и с точки зрения сферы применения. Особенно это заметно при рассмотрении принципа непосредственности в контексте учения о производных доказательствах¹.

¹ Первоначальные доказательства — это такие доказательства, чей источник испытал на себе

Усеченное содержание принципа непосредственности. В настоящее время принцип непосредственности оказался содержательно «ополовиненным», что проявляется и в законе, и в судебной практике, и в уголовно-процессуальной доктрине.

непосредственное воздействие искомых фактов (обстоятельств предмета доказывания), а производные доказательства — это такие доказательства, чей источник испытал воздействие первоначального носителя доказательственной информации (в том числе первоначального доказательства), который, в свою очередь, испытал непосредственное воздействие искомых фактов. Например, первоначальным доказательством являются показания свидетеля-очевидца, а производным доказательством — показания свидетеля, пересказывающего слова очевидца. Другой пример: первоначальным доказательством являются показания потерпевшего, а производным — протокол допроса потерпевшего.

Итак, во-первых, закон (ст. 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)) понимает под непосредственностью требование, обращенное к суду, исследовать лично все доказательства по делу в судебном разбирательстве (ч. 1) и только на них основывать приговор (ч. 3). Аналогичные формулировки содержались в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (ст. 37 и 43), а также в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. (ст. 240 и 301). Кажется, что именно таким образом принцип непосредственности определялся всегда, однако это не так, что будет показано ниже.

Во-вторых, суды, и в частности Верховный Суд Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ), вторя законодателю, тоже рассматривают принцип непосредственности в усеченном объеме. Так, Верховный Суд РФ в постановлениях Пленума 1996 г. и 2016 г., посвященных судебному приговору, по сути, переписывает положения уголовно-процессуального закона и сводит принцип непосредственности к необходимости основывать приговор на доказательствах, которые были исследованы в судебном разбирательстве².

В-третьих, подобное усеченное понимание принципа непосредственности наблюдается и в теоретических работах специалистов по уголовному процессу. Например, Т.Н. Добровольская полагает, что содержание принципа непосредственности исчерпывается *«требованием личного восприятия доказательств лицами, исследующими и оценивающими их, и требованием основывать решение на доказательствах, исследованных лично»*³. И лишь спустя несколько строк, как бы невзначай, автор добавляет: *«Конечно, следователи и судьи по возможности должны пользоваться при этом первоначальными доказательствами для познания фактов»*⁴. Однако именно в этих последних словах и заключается суть второй, но от этого не менее важной части содержания принципа непосредствен-

ности: следствие и суд должны пользоваться преимущественно первоначальными доказательствами, а к производным прибегать либо когда достоверно установлено, что использование первоначального доказательства невозможно или крайне затруднительно, либо когда необходимо проверить первоначальное доказательство.

Чтобы убедиться, что требование первоначального использования первоначальных доказательств действительно входит в содержание принципа непосредственности, составляя его полноценную часть, необходимо понять назначение этого принципа. Об этом верно писали некоторые дореволюционные⁵ и советские⁶ процессуалисты. Например, по мнению дореволюционного правоведа Н.Н. Розина, *«доказательства должны доходить до сознания и мышления судьи в наиболее чистом виде. Этой задаче служит начало непосредственности процесса»*⁷. Иначе говоря, для того чтобы субъект доказывания мог бы с большей долей вероятности установить истинную картину произошедшего события, между его сознанием и искомыми фактами должно быть как можно меньше «промежуточных звеньев» (носителей информации). В силу того, что доказывание в уголовном процессе носит ретроспективный характер, по общему правилу субъект доказывания не может познавать искомые факты путем их непосредственного восприятия, для этого нужны доказательства, которые поэтому сами по себе являются «промежуточными звеньями» между искомыми фактами и судьей. Выходит, что полностью избавиться от «промежуточных звеньев» невозможно, поэтому их следует максимально сократить. Сокращение числа «промежуточных звеньев», в свою очередь, может быть достигнуто, во-первых, за счет преимущественного использования в доказывании первоначальных доказательств (так называемая «ма-

² Абзац 1 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре»; Абзацы 1, 3 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // СПС «Консультант-Плюс».

³ Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. Вопросы теории и практики. М., 1971. С. 175. См. аналогичное понимание принципа непосредственности: Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М., 2021. С. 901.

⁴ Добровольская Т.Н. Указ. соч. С. 175.

⁵ Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. СПб, 1914. С. 304; Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах: Части: общая и особенная. 3-е изд., изм. и законч. СПб., 1910. С. 125.

⁶ Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М., 1927. С. 175; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 203–205; Чельцов-Бебутов М.А. Уголовный процесс: учебник для юридических институтов и факультетов. М., 1948. С. 185–186; Полянский Н.Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. Вопросы и тенденции нового времени. М., 1946. С. 60; Кобликов А.С. Судебное разбирательство. М., 1958. С. 15; Шундилов В.Д. Принцип непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела. Саратов, 1974. С. 20, 22.

⁷ Розин Н.Н. Указ. соч. С. 304.

материальная сторона непосредственности»⁸) и, во-вторых, за счет личного восприятия субъектом доказывания всех собранных доказательств (так называемая «формальная сторона непосредственности»⁹).

Только при одновременном выполнении обоих условий возможно полноценное достижение назначения принципа непосредственности в уголовном процессе. Действительно, если бы не существовало материальной стороны принципа непосредственности, которую сегодня отчего-то принято не замечать, то сам этот принцип лишился бы своего смысла. Иными словами, если принцип непосредственности сводился бы только лишь к личному восприятию субъектом доказывания всех доказательств (формальная сторона непосредственности), то вполне нормальными считались бы ситуации, когда вся совокупность доказательств по делу состояла исключительно из показаний свидетелей, полученных из вторых рук, двадцать пять копий какого-нибудь документа или сплошных протоколов следственных действий... Нормальной считалась бы также ситуация, когда судья ограничивается изучением протоколов допросов свидетелей на предварительном расследовании без проведения их допроса в суде. Ясно, что в таком случае субъект доказывания почти не приближается к искомым фактам: они остаются для него невидимы в тумане производных доказательств.

Усеченная сфера применения принципа непосредственности. Одни авторы полагают, что принцип непосредственности действует на всех стадиях уголовного процесса, включая досудебные¹⁰, при этом наибольшее развитие он, безусловно, получает на стадии судебного разбирательства. Так, если суд должен стремиться использовать в процессе доказывания в первую очередь первоначальные доказательства, то логично, что лицо, ведущее предварительное расследование, должно обеспечить суду наличие этих первоначальных доказательств в уголовном деле¹¹.

По мнению других авторов, напротив, принцип непосредственности подлежит

применению исключительно на судебных стадиях¹² и, прежде всего, на стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции. Именно такую позицию занял российский законодатель, назвав непосредственность не принципом уголовного процесса, а общим условием судебного разбирательства¹³ (глава 35, ст. 240 УПК РФ).

Данный подход в советское время обособывался, в частности, тем, что завершающий этап предварительного расследования мог проводиться иным лицом, нежели тем, кто вел расследование по делу¹⁴. Это самое лицо повторно не проводило следственные действия, ограничиваясь оценкой наработанных следователем материалов (протоколов следственных действий), то есть, по сути, производных доказательств, что не позволяло говорить о действии принципа непосредственности на предварительном расследовании. В дополнение к данному аргументу приводились доводы, связанные с бригадным способом расследования, а также отдельными поручениями.

Думается, что с данным мнением нельзя согласиться по нескольким причинам. Во-первых, производство предварительного следствия следственной группой, институт отдельного поручения, а также, например, недавно появившаяся возможность проводить допрос, очную ставку, опознание через видео-конференц-связь являются в определенной степени исключениями из принципа непосредственности в его материальном аспекте, которые, однако, могут использоваться лишь при наличии исключительных обстоятельств (ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 152, ст. 189.1 УПК РФ). Во-вторых, трудно отрицать, что лицо, ведущее предварительное расследование, должно лично исследовать собираемые доказательства, а также стремиться к получению первоначальных доказательств (хотя бы для того, чтобы представить их в суд). Из этого следует, что составляющие принцип непосредственности элементы действуют

⁸ Шредер Ф.-К., Феррел Т. Уголовно-процессуальное право Германии / пер. с нем. под ред. М.А. Кудратова. 5-е изд. М.; Берлин, 2016. С. 267.

⁹ Там же.

¹⁰ Шундикова В.Д. Указ. соч. С. 37–38; Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М.; Л., 1949. С. 74; Дулов А.В. Значение принципа непосредственности при проведении экспертизы на предварительном следствии // Вопросы государства и права. Ученые записки Ленинградского университета. № 255: Вып. 10 / отв. ред. Г.И. Петров. Л., 1958. С. 125.

¹¹ Лившиц В.Я. Указ. соч. С. 74.

¹² Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 108–109; Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовного-процессуального права. М., 1960. С. 167–170; Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс: учебник для юридических институтов и факультетов. 4-е изд., испр. и перераб. М., 1962. С. 366–368.

¹³ О соотношении понятий «принципы» и «основные положения» см., напр.: Кайгородов А.А. Соотношение понятий принципов уголовного процесса и общих условий судебного разбирательства // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 342. С. 132–135.

¹⁴ Сарбаев З.И. Принципы устности и непосредственности в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967. С. 20.

на стадии предварительного расследования.

Таким образом, содержание принципа непосредственности тесно связано со сферой его применения. Нет требования о преимущественном использовании первоначальных доказательств — нет большой необходимости распространять принцип непосредственности на досудебные стадии. Однако в этом случае принцип непосредственности не может полностью соответствовать своему назначению.

Выводы. Прочитав все вышеизложенное, взыскательный читатель может задать вопрос: не является ли изучение содержания и сферы применения принципа непосредственности сугубо теоретическим упражнением, не имеющим ничего общего с практической деятельностью? Стоит развешать сомнения на этот счет.

Если принцип непосредственности на самом деле включает в себя, помимо требования личного исследования доказательств, также требование преимущественного использования первоначальных доказательств, то, как следствие, использование в уголовном процессе производных доказательств является исключением из принципа непосредственности, и поэтому оно должно быть ограничено¹⁵. Думается, что существует два предела использования производных доказательств, вытекающих из принципа непосредственности. Один из них имеет положительную формулировку, а другой — отрицательную.

Первый предел: *«органы следствия и суда в каждом деле должны (выделение наше. — Г.Б.) стремиться отыскать первоисточники [первоначальные доказательства]»*¹⁶, так как *«очередная степень производности может быть связана с искажением или частичной утратой информации»*¹⁷. В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство

не только не содержит аналогичного требования, но и иногда даже противоречит ему. Ярким примером является п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, который позволяет дознавателю, производящему дознание в сокращенной форме, по общему правилу *«не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения»*. Иными словами, дознаватель в данном случае не должен стремиться к получению первоначальных доказательств (самых показаний), ему достаточно производных «доказательств»¹⁸ (объяснений, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении).

Второй предел: *«органы следствия и суда не должны (выделение наше. — Г.Б.) использовать производное доказательство, если первоначальное доказательство не является для них недоступным, хотя бы его получение было связано с трудностями для следствия и суда»*¹⁹. Если органы следствия, прокуратуры и суда будут довольствоваться производными доказательствами и не предпринимать попытки достоверно выяснить причины отсутствия первоначальных доказательств, то достоверность таких производных доказательств может вызывать резонные сомнения. К. Митгермайер приводил интересный в этом смысле исторический пример: *«В Англии в смутное время от Карла I до Якова II некоторых свидетелей при тайном порядке производства следствия принуждали давать показания против обвиняемого и потом высылали их за границу, а также препятствовали свидетелям, показывавшим в пользу обвиняемого, являться в суд»*²⁰. Этот пример демонстрирует всю опасность, вытекающую из использования производных доказательств (в данном случае протоколов допросов свидетелей) без установления причин отсутствия доказательств первоначальных (показаний свидетелей).

¹⁵ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1884. Т. 2. С. 300.

¹⁶ Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств : краткий очерк. М., 1960. С. 57. См. аналогичное мнение: Шредер Ф.-К., Феррел. Т. Указ. соч. С. 182.

¹⁷ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд., доп. Казань, 1976. С. 162.

¹⁸ Насколько такие объяснения вообще можно называть доказательствами — отдельный вопрос.

¹⁹ Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 107.

²⁰ Митгермайер К.Ж.А. Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии в отношении к уголовному судопроизводству / пер. В. Бартенева. СПб., 1864. С. 252.

Литература

1. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах : Части: общая и особенная / Л.Е. Владимиров. 3-е изд., изм. и законч. Санкт-Петербург : Законоведение, 1910. 400 с.
2. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса / А.Я. Вышинский. Москва : Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1927. 222 с.
3. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. Вопросы теории и практики / Т.Н. Добровольская. Москва : Юридическая литература, 1971. 200 с.
4. Дулов А.В. Значение принципа непосредственности при проведении экспертизы на предварительном следствии / А.В. Дулов // Вопросы государства и права. Ученые записки

- Ленинградского университета. № 255: Вып. 10 / ответственный редактор Г.И. Петров. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1958. С. 124–133.
5. Кайгородов А.А. Соотношение понятий принципов уголовного процесса и общих условий судебного разбирательства / А.А. Кайгородов // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 342. С. 132–135.
 6. Кобликов А.С. Судебное разбирательство / А.С. Кобликов. Москва : [б. и.], 1958. 73 с.
 7. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев [и др.] ; под редакцией Л.В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Статут, 2021. 1326 с.
 8. Курс уголовного процесса. Общая часть / В.Б. Алексеев, Л.Б. Алексеева, В.П. Божьев [и др.] ; под редакцией А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. Москва : Юридическая литература, 1989. 638 с.
 9. Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / В.Я. Лившиц. Москва ; Ленинград : Изд-во и 2-я тип. Издательства Академии наук СССР, 1949. 208 с.
 10. Миттермайер К.Ж.А. Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии в отношении к уголовному судопроизводству / К.Ж.А. Миттермайер ; перевод и предисловие В. Бартенева. Санкт-Петербург : Редакция Журнала Министерства юстиции, 1864. 580 с.
 11. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский. Москва : Издательство Московского университета, 1956. 271 с.
 12. Полянский Н.Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. Вопросы и тенденции нового времени / Н.Н. Полянский. Москва : Юридическое издательство, 1946. 142 с.
 13. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям / Н.Н. Розин. 2-е изд., изм. и доп. Санкт-Петербург : Право, 1914. 546 с.
 14. Сарбаев З.И. Принципы устности и непосредственности в советском уголовном процессе : автореферат диссертации кандидата юридических наук / З.И. Сарбаев. Москва, 1967. 23 с.
 15. Склизов А.Н. Принцип непосредственности уголовного судопроизводства : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Н. Склизов. Владивосток, 2007. 22 с.
 16. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1958. 703 с.
 17. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1955. 348 с.
 18. Теория доказательств в советском уголовном процессе. В 2 частях. Ч. 2. Часть особенная / ответственный редактор Н.В. Жогин. Москва : Юридическая литература, 1967. 415 с.
 19. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств : краткий очерк / А.И. Трусов. Москва : Госюриздат, 1960. 176 с.
 20. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф.Н. Фаткуллин. 2-е изд., доп. Казань : Издательство Казанского университета, 1976. 206 с.
 21. Фойницкий И.Я. Курс русского уголовного судопроизводства. В 2 томах. Т. 2 / И.Я. Фойницкий. Санкт-Петербург : Изд. В. Лесников, 1884. 664 с.
 22. Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс : учебник для юридических институтов и факультетов / М.А. Чельцов-Бебутов. 4-е изд., испр. и перераб. Москва : Госюриздат, 1962. 503 с.
 23. Чельцов-Бебутов М.А. Уголовный процесс : учебник для юридических институтов и факультетов / М.А. Чельцов-Бебутов. Москва : Юридическое издательство, 1948. 624 с.
 24. Ширков В.П. Очерк общих оснований нашего уголовного процесса по сравнению с иностранными законодательствами / В.П. Ширков // Судебные Уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. Т. 1. Петроград : Сенатская типография, 1914. 786 с.
 25. Шредер Ф.-К. Уголовно-процессуальное право Германии / Ф.-К. Шредер, Т. Феррел ; перевод с немецкого под редакцией М.А. Кудратова. 5-е изд. Москва ; Берлин : Инфотропик Медия, 2016. 304 с.
 26. Шундилов В.Д. Принцип непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела / В.Д. Шундилов. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1974. 157 с.
 27. Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права / М.Л. Якуб. Москва : Издательство Московского университета, 1960. 171 с.

References

1. Hughes W.T. Melius est petere fonts quam sectari rivulos / W.T. Hughes // Saint Louis University Law Journal. 1918. Vol. 3. Is. 2. P. 85–92.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-8-18-23

Сущность стадии назначения и подготовки судебного заседания в контексте переосмысления роли суда в уголовном судопроизводстве*

Рябинина Татьяна Кимовна,
заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Юго-Западного государственного университета,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
tatyanakimovna-r@yandex.ru

В статье освещаются вопросы, связанные с совершенствованием уголовно-процессуального законодательства в части регламентирования процессуальной деятельности суда в стадии назначения и подготовки судебного заседания, которое должно привести к укреплению статуса суда (в лице судьи) как единственного носителя судебной власти, осуществляющего правосудие. Автором обосновывается положение о том, что правосудие по уголовным делам заключается как в рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу, так и в решении иных правовых вопросов, требующих разрешения в судебном порядке, в том числе и в стадии назначения и подготовки судебного заседания. Настоящую стадию уголовного процесса необходимо рассматривать не просто как формальный этап уголовного процесса, через который должно пройти уголовное дело, а как действенную форму судебного контроля за законностью проведенного предварительного расследования, в том числе за реальным обеспечением основных прав участников уголовного судопроизводства, особенно прав обвиняемого.

Ключевые слова: судебная власть, правосудие, уголовное судопроизводство, назначение и подготовка судебного заседания.

The Essence of the Stage of Appointment of and Preparation for a Court Hearing within the Framework of Reinterpretation of the Role of Court in Criminal Proceedings

Tatyana K. Ryabinina
Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
of the Southwest State University
Honored Lawyer of the Russian Federation
LL.D., Professor

The article highlights issues related to the improvement of criminal procedure legislation in terms of regulating the procedural activities of the court at the stage of appointment and preparation of the court session, which should lead to the strengthening of the status of the court (represented by a judge) as the sole bearer of the judicial power that administers justice. The author substantiates the position that justice in criminal cases consists both in the consideration and resolution of a criminal case on the merits, and in the resolution of other legal issues requiring judicial resolution, including at the stage of appointment and preparation of a court session. The present stage of the criminal process should be considered not just as a formal stage of the criminal process through which the criminal case must pass, but as an effective form of judicial control over the legality of the preliminary investigation, including the real provision of the basic rights of participants in criminal proceedings, especially the rights of the accused.

Keywords: judicial power, justice, criminal proceedings, appointment and preparation of the court session.

В год 20-летия действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) нельзя не

поразмывать о некоторых итогах, достигнутых за этот период, но, понимая, что нельзя охватить все стороны уголовно-

* Публикация подготовлена в рамках государственного задания на 2022 г. по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

процессуальной сферы, которых коснулись законодательные новеллы, для иллюстрации остановимся на произошедшем реформировании первой судебной стадии — стадии назначения и подготовки судебного заседания.

Но прежде вернемся к концу 80-х гг. XX в., когда в нашем государстве было объявлено о необходимости построения правового государства. Юридическое сообщество озаботилось, в каком направлении двигаться для достижения такой глобальной цели. В результате в октябре 1991 г. Верховным Советом РСФСР была принята представленная Президентом РСФСР Концепция судебной реформы в Российской Федерации, которая признала проведение судебной реформы необходимым условием функционирования Российской Федерации как демократического правового государства¹.

Главной названа задача формирования судебной власти как одной из трех самостоятельных ветвей государственной власти, создания истинной судебной независимости, расширения судебной юрисдикции, обеспечения судебной защиты прав граждан. Принятая в 1993 г. Конституция Российской Федерации подтвердила взятый курс на построение правового государства, впервые за всю историю России легализовав принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Наступила новая эпоха преобразования российского общества, государственного устройства, механизма правового регулирования общественных отношений во всех сферах социума², ознаменованная укреплением судебной власти, носителем которой — суд — призван разрешать социальные конфликты, выступая гарантом законности и справедливости в обществе. В положениях Концепции судебной реформы в Российской Федерации была четко обозначена цель уголовной юстиции, которая заключается в защите общества от преступлений путем реализации уголовного закона, а также защите прав и законных

интересов граждан, попавших в сферу юстиции³.

Принятый в 2001 г. УПК РФ в развитие идей построения правового государства провозглашает принципы уголовного судопроизводства, повышающие роль суда в нем, гарантирующие защиту прав и свобод человека, тем самым существенно обновив в духе нового назначения уголовного судопроизводства судебную деятельность. Столь серьезные преобразования обусловлены переосмыслением истинного предназначения суда, заключающегося в отправлении правосудия как основной функции судебной власти⁴. Реализуясь через уголовное судопроизводство путем осуществления правосудия, судебная власть из сферы абстрактного понимания переходит в «осязаемую», объективизированную плоскость.

Чтобы соответствовать новому предназначению суда, законодатель реформирует все стадии уголовного процесса, но особо была затронута стадия назначения и подготовки судебного заседания, ставшая преемницей стадии предания суду. Данное обстоятельство потребовало от ученых в уголовно-процессуальной сфере на теоретическом уровне переосмысления вопросов о месте настоящей стадии в системе уголовного судопроизводства, о функциях и полномочиях суда в этой стадии как средствах реализации судебной власти, об особенностях отправления правосудия в рамках данного этапа судопроизводства⁵.

Актуальность исследования перечисленных вопросов обусловлена тем, что на фоне глобальных законодательных

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М.: Республика, 1992. С. 108.

² Козьявин А.А., Чистилина Д.О. Перспективы развития взаимодействия институтов гражданского общества и уголовного судопроизводства // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. № 1. С. 136–144.

³ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. С. 19.

⁴ Лазарева В.А. Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 16 ; Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород, 2002. С. 20–21 ; Бурдина Е.В. Судебная власть в Российской Федерации : учебник. Саранск : Мордовское книжное издательство, 2006. С. 60 ; Рябцева Е.В. Правосудие в уголовном процессе России : монография. 2-е изд., доп. М. : Юрлитинформ, 2010. 397 с. ; Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. СПб. : Юридический центр Пресс, 2015. С. 22 ; Бурмагин С.В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе : учебное пособие. М. : Проспект, 2016. 304 с.

⁵ Рябинина Т.К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. С. 5.

изменений в регулировании судебной деятельности в уголовном процессе, выражающихся в том, что были расширены контрольные полномочия суда в досудебном производстве, законодатель сужает их объем в первой судебной стадии, сводя их, по мнению отдельных авторов, к разрешению формальных вопросов, связанных только лишь с подготовительной деятельностью суда, нацеленной на рассмотрение уголовного дела и его разрешение в следующей стадии — судебного разбирательства⁶. По их мнению, значение этой стадии свелось к «простой» передаче дела в суд, без реальной оценки судом достаточности для этого фактических оснований.

Другие авторы приходят к выводу о том, что суд в настоящей стадии с такими ограниченными полномочиями по осуществлению контрольной деятельности в отношении результатов предварительного расследования, а также по участию в процессе доказывания не может отправлять правосудие⁷.

Такая позиция вполне объяснима, поскольку законодатель, регулярно внося изменения в положения уголовно-процессуального законодательства о регулировании судебной деятельности в стадии назначения и подготовки судебного заседания, так и не определился, в чем заключаются задачи суда в этой стадии. Более того, парадокс подобного реформирования судебной деятельности состоит в том, что законодатель, сократив контрольные полномочия судьи по проверке материалов поступившего в суд уголовного дела, запретив ему вхо-

дить в обсуждение вопросов, связанных с проверкой обоснованности предъявленного обвинения, правильности правовой квалификации деяния, в совершении которого обвиняется лицо, достаточности доказательств для рассмотрения уголовного дела по существу, при этом наделяет суд новыми полномочиями по выявлению и устранению допущенных в досудебном производстве нарушений, созданию условий для отправления правосудия не только в стадии судебного разбирательства, но и в стадии назначения и подготовки судебного заседания, что свидетельствует о намерении законодателя продолжить реформирование судебной деятельности в целях создания эффективного механизма реализации судебной власти на данном этапе.

Такие нелогичные реформаторские меры были обусловлены в первую очередь отсутствием четкого концептуального понимания сути судебной деятельности в стадии назначения и подготовки судебного заседания, что, в свою очередь, негативно отразилось как на правовом регулировании этой деятельности, так и на правоприменительной деятельности.

Однако, несмотря на постоянно осуществляемое реформирование настоящей стадии, следует признать, что ее промежуточное положение между стадиями предварительного расследования и судебного разбирательства осталось прежним, не изменился и ее контрольно-подготовительный характер, а значит, задачи и сущность стадии остались теми же. Изменились лишь средства достижения целей, стоящих перед судом в этой стадии.

Так, полномочия суда по проверке материалов поступившего в суд уголовного дела и принятию решений по дальнейшему движению дела, действительно, сокращены. При этом только суд после проверки материалов дела и выяснения вопросов, обеспечивающих дальнейшее рассмотрение уголовного дела по существу, принимает решение о назначении судебного заседания или при отсутствии оснований для этого другие решения (о возвращении уголовного дела прокурору, приостановлении или прекращении производства по делу и др.). Тем самым задачи суда, сводящиеся к проверке законности проведенного досудебного производства (как контрольный механизм за деятельностью органов обвинения), а также созданию надлежащих

⁶ Бурмагин С.В. Уголовный суд России. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 251; Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Стадия подготовки дела к судебному разбирательству: закономерный итог «закономерных реформ» // Следователь. 2005. № 5. С. 32; Кальницкий В.В. Понятие и значение стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4 (67). С. 38; Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть XII. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию. Общие условия судебного разбирательства. М.: РТУ (МИРЭА), 2018. С. 5–6; и др.

⁷ Ишимов П.Л. Процессуальный порядок подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. С. 14; Мельников В.Ю. Судебный контроль в условиях состязательности уголовного процесса // Российский судья. 2010. № 8. С. 10.

условий для эффективного рассмотрения и разрешения уголовного дела в стадии судебного разбирательства, независимо от объема предоставленных суду полномочий и исхода из стадийности уголовного процесса⁸, остались неизменными, что обуславливает специфику полномочий суда, подчеркивающих властную сущность этой деятельности⁹.

Тем не менее отношение ученых к сущности и задачам данной стадии неоднозначно. Так, советские ученые, изучавшие данную стадию, тогда еще именовавшуюся преданием суду, отмечали основное ее предназначение в проверке достаточности оснований для разбирательства дела по существу, которая заключалась в установлении обоснованности предъявленного обвинения и правильности правовой квалификации обвинения, вмененного в вину обвиняемому¹⁰.

Современные авторы основной акцент при определении сущности стадии подготовки судебного заседания делают на ее подготовительный характер, сводящийся к установлению отсутствия процессуальных препятствий для рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу в стадии судебного разбирательства, не выделяя главную задачу стадии, которая заключается в установлении достаточных оснований для назначения судебного разбирательства.

Вместе с тем объединяет подходы советских и современных авторов к сущности первой судебной стадии отсутствие концептуальных теоретических разработок о роли суда в данной стадии. Так, вопросы, связанные с реализацией судебной власти в настоящей стадии процесса, остаются недостаточно исследованными. В свою очередь, проблемы укрепления статуса суда как органа правосудия, расширения, а не

сокращения его полномочий на данном этапе судопроизводства требуют своего общетеоретического осмысления и, соответственно, нормативного и практического разрешения.

Однако непринятие многими процессуалистами положения о том, что в этой стадии процесса осуществляется правосудие ввиду того, что правосудие, по их мнению, осуществляет лишь суд первой инстанции при разрешении уголовного дела по существу¹¹, свидетельствует об умалении ими роли суда как органа правосудия¹², что в корне неверно. В связи с тем, что суд является государственным органом, принадлежащим к самостоятельной ветви государственной власти (судебной), то, реализуя свои дискреционные полномочия на всех этапах судопроизводства путем рассмотрения уголовного дела по существу или разрешения любого вопроса, предусмотренного УПК РФ (п. 48 ст. 5), он все же осуществляет правосудие, но по различным, предусмотренным законом, процедурам, которые обусловлены соответствующим назначением конкретной стадии уголовного процесса¹³, с разрешением правовых вопросов, затрагивающих интересы сторон, с принятием обязательных для исполнения судебных решений¹⁴, то есть осуществляет правосудие посредством разных видов деятельности, по сути, являющихся процессуальными формами судопроизводства, через которые и реализуется судебная власть путем отправления правосудия¹⁵.

¹¹ Манова Н.С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциация их форм : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 14 ; Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 407 ; Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Казань, 2004. С. 72, 191–259.

¹² Так, из опрошенных автором правоприменителей 39,3% адвокатов, 13,6% прокуроров и 10,6% судей считают настоящую стадию формальным этапом.

¹³ Гурова О.Ю. Теоретические и практические проблемы назначения судебного заседания по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 6 ; Якимович Ю.К. Указ. соч. С. 23–24 ; Бурмагин С.В. Уголовный суд России. С. 89–93.

¹⁴ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 46–50.

¹⁵ Рябинина Т.К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию... С. 102.

⁸ Крипиневиц С.С. Институт подготовки к судебному заседанию и формы его реализации в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 22–27.

⁹ Рябинина Т.К. Спорные вопросы функциональной деятельности суда в стадии назначения судебного заседания // Уголовное судопроизводство. 2015. № 4. С. 26–28.

¹⁰ Перлов И.Д. Предание суду в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1948. С. 21 ; Бажанов М.И. Предание суду в советском уголовном процессе. Харьков : Изд-во Харьковского юридического института, 1965. С. 15 ; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М. : Наука, 1970. Т. 2. С. 34.

На стадии назначения и подготовки судебного заседания суд реализует функцию отправления правосудия посредством разрешения различных по характеру правовых вопросов, связанных с установлением достаточных оснований для назначения судебного заседания, в случае установления таковых — созданием необходимых условий для разбирательства уголовного дела в следующей стадии, при прекращении уголовного дела — и непосредственным разрешением уголовного дела по существу.

Таким образом, производство в стадии назначения и подготовки судебного заседания в полной мере соответствует общему назначению уголовного судопроизводства как эффективной формы реализации судебной власти, обеспечивающей защиту прав и законных интересов лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу, правовыми средствами, предусмотренными законом для данной стадии, позволяющими не привлекать к ответственности обвиняемых при отсутствии на то достаточных оснований, а для потерпевшего, напротив, обеспечить доступ к правосудию.

Вместе с тем отдельные нормы, регулирующие основания и процедуру принятия решений в стадии назначения и подготовки судебного заседания, бессистемны и противоречивы, а также не соответствуют властной сущности статуса судьи как носителя судебной власти. В связи с этим назрела необходимость наделить суд большими полномочиями в разрешении вопросов, которые возникают на данной стадии (используя в этих целях предварительное слушание как наиболее эффективную про-

цедуру для реализации судебной власти), не только по инициативе сторон, но и по собственной инициативе, что в первую очередь будет служить устранению выявленных ошибок и нарушений, допущенных в досудебном производстве (ошибки технического характера; уточнение или изменение предъявленного обвинения; введение новых участников процесса; обеспечение сторонам вручения необходимых документов; разъяснение прав участникам уголовного процесса)¹⁶. Кроме того, это позволит разрешить сопутствующие проблемы, связанные с возвращением уголовного дела прокурору, прекращением уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, соединением по собственной инициативе уголовных дел при наличии оснований. Подорывает властный статус суда и существующий порядок отказа прокурора от обвинения на предварительном слушании, обязывающий судью вынести постановление о прекращении уголовного дела без исследования обстоятельств дела.

Тем самым необходимо констатировать, что реформирование правового регулирования деятельности суда в стадии назначения и подготовки судебного заседания следует продолжить в направлении укрепления правового статуса суда путем расширения его полномочий, раскрывающих суть такой его деятельности, как осуществление правосудия.

¹⁶ Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2018. С. 280–292.

Литература

1. Бажанов М.И. Предание суду в советском уголовном процессе. Конспект лекции / М.И. Бажанов. Харьков : Издательство Харьковского юридического института, 1965. 36 с.
2. Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть XII. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию. Общие условия судебного разбирательства / А.Р. Белкин. Москва : РГУ (МИРЭА), 2018. 110 с.
3. Бурдина Е.В. Судебная власть в Российской Федерации : учебник / Е.В. Бурдина. Саранск : Мордовское книжное издательство, 2006. 248 с.
4. Бурмагин С.В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе : учебное пособие / С.В. Бурмагин. Москва : Проспект, 2016. 304 с.
5. Бурмагин С.В. Уголовный суд России / С.В. Бурмагин. Москва : Юрлитинформ, 2010. 392 с.
6. Гурова О.Ю. Теоретические и практические проблемы назначения судебного заседания по уголовным делам : автореферат диссертации кандидата юридических наук / О.Ю. Гурова. Москва, 2005. 25 с.

7. Ишимов П.Л. Процессуальный порядок подготовки уголовного дела к судебному разбирательству : автореферат диссертации кандидата юридических наук / П.Л. Ишимов. Ижевск, 2005. 27 с.
8. Кальницкий В.В. Понятие и значение стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе / В.В. Кальницкий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4 (67). С. 34–41.
9. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России / Н.Н. Ковтун. Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2002. 331 с.
10. Ковтун Н.Н. Стадия подготовки дела к судебному разбирательству: закономерный итог «закономерных реформ» / Н.Н. Ковтун, А.А. Юнусов // Следователь. 2005. № 5. С. 28–35.
11. Козявин А.А. Перспективы развития взаимодействия институтов гражданского общества и уголовного / А.А. Козявин, Д.О. Чистилина // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. № 1. С. 136–144.
12. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / составитель С.А. Пашин. Москва : Республика, 1992. 111 с.
13. Крипиневи́ч С.С. Институт подготовки к судебному заседанию и формы его реализации в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / С.С. Крипиневи́ч. Москва, 2019. 207 с.
14. Лазарева В.А. Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики : автореферат диссертации доктора юридических наук / В.А. Лазарева. Самара, 2000. 41 с.
15. Lupinская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Lupinская. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2010. 238 с.
16. Манова Н.С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм : автореферат диссертации доктора юридических наук / Н.С. Манова. Москва, 2005. 54 с.
17. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : диссертация доктора юридических наук / Л.Н. Масленникова. Москва, 2000. 555 с.
18. Мельников В.Ю. Судебный контроль в условиях состязательности уголовного процесса / В.Ю. Мельников // Российский судья. 2010. № 8. С. 8–11.
19. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : диссертация доктора юридических наук / К.В. Муравьев. Омск, 2018. 505 с.
20. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики / Н.Г. Муратова. Казань : Казанский государственный университет, 2004. 346 с.
21. Перлов И.Д. Предание суду в советском уголовном процессе / И.Д. Перлов. Москва : Госюриздат, 1948. 200 с.
22. Рябинина Т.К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение : диссертация доктора юридических наук / Т.К. Рябинина. Саратов, 2021. 545 с.
23. Рябинина Т.К. Спорные вопросы функциональной деятельности суда в стадии назначения судебного заседания / Т.К. Рябинина // Уголовное судопроизводство. 2015. № 4. С. 26–28.
24. Рябцева Е.В. Правосудие в уголовном процессе России : монография / Е.В. Рябцева. 2-е изд., доп. Москва : Юрлитинформ, 2008. 416 с.
25. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 томах. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву / М.С. Строгович. Москва : Наука, 1970. 516 с.
26. Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса / Ю.К. Якимович. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2015. 176 с.

Некоторые проблемные вопросы реализации положений главы 52 УПК РФ

Завгороднева Екатерина Валерьевна,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Оренбургского государственного университета
Korniyaseva.katy@mail.ru

В статье рассмотрены некоторые вопросы производства в отношении отдельных категорий лиц, обладающего, по мнению автора, существенными особенностями, позволяющими отнести его к самостоятельному виду производства. Основное внимание уделено вопросу об установлении основания, определяющего необходимость инициирования производства в порядке главы 52 УПК РФ, и применения предъявляемых ею требований к принятию процессуальных решений. Таким основанием должно быть установление наличия у лица особого статуса, входящего в перечень, определенный законом. Требования указанной главы должны распространяться только на обладающих особым статусом лиц в период производства по уголовному делу, а утрата лицом статуса в указанный период должна влечь прекращение особого производства. Приводятся примеры противоречивой судебной практики. Делается вывод о необходимости корректировки положений ст. 447 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, отдельные категории лиц, особый статус, правовое регулирование.

Some Challenging Issues of Implementation of Provisions of Chapter 52 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Ekaterina V. Zavgorodneva
Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
of the Orenburg State University

The article discusses some controversial issues of production in relation to certain categories of persons who, in the author's opinion, have significant features that make it possible to attribute it to an independent type of production. The main attention is paid to the issue of establishing the basis determining the need to initiate proceedings in accordance with Chapter 52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and the application of its requirements to the adoption of procedural decisions. Such a basis should be the establishment of the presence of a person with a special status included in the list defined by law. The requirements of this chapter should apply only to persons with special status during the criminal proceedings, and the loss of status by a person during this period should entail the termination of special proceedings. Examples of contradictory judicial practice are given. It is concluded that it is necessary to adjust the provisions of Article 447 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings, certain categories of persons, special status, legal regulation.

Несмотря на то что приоритетное место в действующем уголовно-процессуальном законе отведено защите прав и интересов потерпевших от преступления (ст. 6), некоторыми положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) предусмотрена повышенная забота о защите прав лиц, совершивших преступление, к которым в числе прочих относятся лица, наделенные законом особым статусом. Так, положениями главы 52 УПК РФ для таких лиц предусмотрены определенные гарантии и правовые преимущества, направленные на исключение возможности их произвольного уголовного преследования.

Некоторые авторы отказывают в отнесении рассматриваемого вида произ-

водства к особому, самостоятельному виду. В частности, по мнению Ю.К. Якимовича, при данном виде производства неизменны существенные характеристики уголовно-процессуальной деятельности¹. Думается, что с таким утверждением уважаемого автора можно не согласиться.

Во-первых, законодатель самим фактом размещения главы 52 в ч. 4 УПК РФ относит данный вид производства к производствам с особым порядком, что свидетельствует о некотором отличии в восприятии содержания понятия «особые производства» законодателем и цитируемым автором.

¹ Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М.С. Свиридова. Томск : Изд-во Томского университета, 2001. С. 17.

Во-вторых, Ю.К. Якимович, одновременно считая затруднительной формализацию критериев такого признака, как «существенные различия», для выделения в качестве самостоятельного определенного вида уголовно-процессуального производства, поскольку этот признак является оценочным, двумя абзацами ниже, раскрывая содержание понятия «дифференциация уголовного процесса», тем не менее использует в определяющем понятии этот же неформализованный и оценочный признак — «существенные различия»².

Действительно, каждый ученый может по-разному оценивать существенность различий уголовно-процессуальных производств, признавая или отрицая возможность их отнесение к особым порядкам. Вместе с тем с логической точки зрения существенность признака определяется довольно просто: лишившись такого признака, предмет перестанет *существовать* как этот предмет, станет другим предметом³. Именно прекращением существования в качестве того же самого предмета в случае отбрасывания какого-либо его признака и обусловлено наименование этого признака существенным. В рассматриваемом нами аспекте, лишившись тех особенностей, которыми обладает производство в порядке главы 52 УПК РФ, это производство перестанет существовать как особое, станет общим.

На наш взгляд, все выделенные томскими учеными существенные признаки для отнесения уголовно-процессуального производства к особому, самостоятельному виду⁴ в полной мере относятся и к производству в порядке главы 52 УПК РФ. А именно:

1) наличие определяемой особенностями субъекта уголовного преследования отличающейся от иных производств материально-правовой базы. Здесь отметим, что необходимость существования данного вида производства и особой процессуальной защищенности субъекта, в отношении которого оно осуществляется, обусловлена потребностями иных общественных институтов (государственных, правовых, политических), т.е. носит не только материально-правовой характер;

2) комплексность данного вида производства, определяемая наличием существенных особенностей уголовно-процессуальной деятельности на нескольких стадиях процесса;

3) обусловленное предыдущим пунктом изменение процессуальных форм деятельности по данной категории дел.

При этом нами разделяется точка зрения ученых, считающих, что любой дифференцированной процессуальной форме присущи свойственные только ей особенности процессуальных решений и связанных с ними процессуальных действий⁵. Думается, что отказать рассматриваемому виду производства в наличии таких, присущих только ему особенностей, связанных как с принятием процессуальных решений, так и производством процессуальных действий, вряд ли возможно. Поэтому есть все основания для вывода о том, что данный вид производства подпадает под такой, выделенный Ю.К. Якимовичем критерий, как «степень сложности уголовно-процессуальной формы»⁶, и производство в порядке главы 52 УПК РФ является самостоятельным и особым видом производства, что разделяется многими учеными⁷, настаивающими на его автономности.

В уголовно-процессуальном законе понятие «особый порядок» используется при обозначении производств, обладающих спецификой и потому не вписывающихся в общие правила производства, поэтому размещение главы 52 в части с наименованием «Особый порядок уголовного судопроизводства», регламентированное указанной главой производство законодатель отнес к особым, а использование в начале наименования раздела и главы слова «особенности» указывает на их (особенностей) существенность. Вместе с тем вызывает недоумение одноименное наименование раздела XVII и его единственной главы 52. Как известно, раздел — одна из наиболее крупных структурных единиц любого закона, призванных отражать общий смысл содержащихся в нем глав, названия которых, в свою очередь, должны быть максимально информационно насыщенными, поэтому отсутствие у главы самостоятельного заголовка не отвечает требованиям юридической техники и снижает качество уголовно-процессуального закона как нормативного акта

⁵ Погорельский А.А. Содержание, значение и дифференциация уголовно-процессуальной формы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1 (55). С. 88.

⁶ Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Указ. соч. С. 25.

⁷ Красильников А.В. О правовой сущности особого порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 112; Мищенко Е.В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2014. С. 20; и др.

² Там же. С. 17.

³ Корнакова С.В. Логика уголовно-процессуального доказывания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 108.

⁴ Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Указ. соч. С. 24–25.

федерального уровня. Как представляется, обоснование уместности повтора наименования раздела XVII в наименовании главы 52 УПК РФ, не несущего никакой новой смысловой нагрузки, весьма затруднительно. В связи с этим более предпочтительным было бы вообще отсутствие выделения в УПК РФ раздела XVII с его единственной главой, а размещение последней в разделе XVI.

В уголовно-процессуальной науке в отношении рассматриваемого вида производства выделяются относящиеся, прежде всего, к досудебным стадиям процесса следующие существенные особенности: возбуждения уголовного дела; задержания; избрания меры пресечения в виде заключения под стражу; производства ряда следственных действий; направления уголовного дела в суд.

Поскольку все перечисленные особенности обусловлены исключительно статусом привлекаемых к уголовной ответственности лиц, считаем необходимым, прежде всего, рассмотреть наиболее дискуссионный вопрос об установлении основания, определяющего необходимость инициирования производства в порядке главы 52 УПК РФ и применения предъявляемых ею требований к принятию процессуальных решений. Законодателем такое основание в самостоятельной норме не указано, как это сделано, например, для производства в порядке главы 40 или главы 51 УПК РФ (ст. 314 и 433 соответственно), что и приводит, на наш взгляд, к различному толкованию правовых предписаний.

Таким основанием должно быть установление наличия у лица особого статуса, входящего в перечень, определенный законом. Но если, по мнению одних ученых, требования главы 52 УПК РФ должны распространяться только на обладающих статусом лиц, круг которых определен в ст. 447 УПК РФ, в период производства по уголовному делу, а утрата лицом статуса в указанный период должна влечь прекращение особого производства⁸, то, по мнению других, данные требования должны распространяться и на лиц, утративших статус на момент производства по делу, но обладавших им на момент совершения преступления⁹.

⁸ Казаков А.А. Производство по делам в отношении лиц с особым статусом: основные заблуждения // Уголовный процесс. 2020. № 5 (185). С. 76; Латыпов Т.Р. О применении положений главы 52 УПК РФ при возбуждении уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц // Журнал российского права. 2010. № 8 (164). С. 61.

⁹ Шаталов А.С. Специальные субъекты в уголовном судопроизводстве России: порядок уголовного преследования // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 130.

Нами разделяется первая из приведенных точек зрения, поскольку установленные законом особые процедуры в отношении отдельных категорий лиц являются средством защиты осуществляемых ими публично-правовых функций, которыми данные лица наделены в связи с реализацией обусловленных их статусом полномочий. В связи с этим очевидно, что при утрате статуса отпадает необходимость обеспечения независимости реализации тех функций, которыми был наделен субъект, обладая статусом, значит, повышенная защита таких лиц становится необоснованной. Именно такой подход в основном реализуется на практике.

Так, в ответ на утверждение, выраженное в кассационной жалобе осужденного Каруева Д.Н., о том, что на момент производства по делу он уже не был следователем, не имеет юридического значения, но при возбуждении дела установленный законом порядок соблюден не был, поэтому приговор подлежит отмене, судом указано, что Каруев с 24.01.2012 следователем не являлся, а уголовное дело в отношении него было возбуждено 13.02.2012, т.е. на него уже не распространялся предусмотренный главой 52 УПК РФ особый порядок¹⁰. В ответ на аналогичную кассационную жалобу по другому уголовному делу от лица, уже утратившего статус следователя Следственного комитета Российской Федерации (далее — Следственный комитет РФ), судом также указано, что законодательные ограничения не распространяются на порядок возбуждения уголовного дела в отношении бывшего следователя, хотя и совершившего уголовное преступление в период нахождения в этой должности, так как возбуждение уголовного дела не связано с вмешательством в его служебную деятельность и преследованием за нее¹¹.

Наличие подобных примеров подтверждает возможность неоднозначного восприятия предписаний закона, тем более лицами, в профессиональную обязанность которых входило знание и правильное толкование норм действующего УПК РФ и к подследственности которых относились дела рассматриваемой категории.

Кроме этого, в связи с тем, что наделение определенным статусом и основания его утраты регламентируются законодательством иных отраслей права, иногда на установление законности принятого решения в нарушении

¹⁰ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. по делу № 2-66/12. URL: //sudact.ru/vsrf/doc/41M5nAJrITrI/

¹¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. по делу № 2-64/12. URL: //sudact.ru/vsrf/doc/YR55XyiWSJU1/

принципа разумности срока уголовного судопроизводства уходит не один год.

Так, в представлении заместителя Генерального прокурора Российской Федерации об отмене апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда от 8 октября 2012 г. и постановления президиума Иркутского областного суда от 7 октября 2013 г. о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ указано, что у органов следствия отсутствовала необходимость получения согласия Председателя Следственного комитета РФ на предъявление С. обвинения.

Суд пришел к следующим выводам. Возвращая дело прокурору, суд апелляционной инстанции в определении указал, что в период производства по уголовному делу С. был зарегистрирован кандидатом в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее — Государственная Дума ФС РФ). 13 декабря 2011 г. в нарушение п. 13 ч. 1 ст. 448 УПК РФ ему было предъявлено обвинение без согласия Председателя Следственного комитета РФ, что исключает возможность назначения дела к рассмотрению судом.

Суд апелляционной инстанции и Президиум Иркутского областного суда не учли, что в силу ч. 5 ст. 41 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» кандидат утрачивает статус зарегистрированного кандидата с момента официального опубликования результатов выборов.

Результаты состоявшихся 4 декабря 2011 г. выборов в Государственную Думу ФС РФ опубликованы в «Российской газете» 10 декабря 2011 г. Депутатом С. избран не был. Обвинение ему предъявлено 13 декабря 2011 г., когда требования ст. 448 УПК РФ на него уже не распространялись и у органов предварительного расследования отсутствовала необходимость получения согласия Председателя Следственного комитета РФ на предъявление ему обвинения¹².

Кроме этого, как известно, закон действует, пока он не отменен. Пунктом 2 ч. 1 ст. 447 УПК РФ особый порядок производства распространяется в числе прочих и на судей конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации (далее — субъект РФ). Но до 1 января 2023 г. Федеральным конституционным законом от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в

отдельные федеральные конституционные законы» предписано упразднение конституционных (уставных) судов субъектов РФ (ч. 3 ст. 5)¹³.

Упразднение указанных судов — процесс длящийся, рассчитанный на завершение принятых к производству дел. Установленный законом для этой процедуры двухлетний срок заканчивается в конце текущего года. В связи с этим при инициировании уголовного преследования в отношении судей указанных судов подлежит выяснению вопрос о том, не был ли упразднен соответствующий суд на момент решения вопроса о возбуждении уголовного дела и текущий статус лица, в отношении которого он решается, поскольку при изменении статуса такого судьи (например, при переводе в другой суд или при отставке) для законного решения данного вопроса «согласия соответствующей квалификационной коллегии судей» будет уже недостаточно.

В отличие от иных особых субъектов, гарантии статуса судей продолжают действовать при уходе судьи в отставку, и в этом случае субъект принятия уголовно-процессуальных решений должен быть осведомлен об основаниях утраты статуса судьи в отставке. В этом отношении единство практики применения положений главы 52 УПК РФ, к сожалению, отсутствует, что не способствует авторитету судебных решений¹⁴.

Так, в удовлетворенном Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (далее — Судебная коллегия Верховного Суда РФ) представлении заместителя Генерального прокурора Российской Федерации указывалось на необоснованность выводов суда первой инстанции и судов двух последующих инстанций о несоблюдении при возбуждении уголовного дела и привлечении С. в качестве обвиняемой установленных законом гарантий неприкосновенности судей в отставке.

Как установлено Судебной коллегией Верховного Суда РФ, во время совершения преступлений С. работала адвокатом, т.е. занималась запрещенной для судьи в отставке оплачиваемой деятельностью, поэтому на нее согласно п. 4 ст. 3 и п. 6 ст. 15 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» не могут распространяться гарантии неприкосновенности судей. В связи с этим для осуществления в отношении С.

¹² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 января 2014 г. URL: //sudact.ru/vsrfdoc/6ty61nvI42Vv/

¹³ Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Российская газета. 2020. 11 декабря.

¹⁴ Корнакова С.В. К вопросу о факторах, влияющих на формирование доверия общества к суду и правосудию // Российский судья. 2020. № 1. С. 18.

уголовного преследования не требовалось ни согласия Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации (далее — ВККС РФ), ни принятия решения о возбуждении уголовного дела Председателем Следственного комитета РФ.

Учитывая, что на момент производства по делу С. являлась адвокатом, возбуждение в ее отношении уголовного дела в соответствии с действующей в то время ст. 448 УПК РФ было осуществлено на основании заключения районного суда о наличии в действиях адвоката С. признаков преступлений¹⁵, т.е. в соответствии с требованиями главы 52 УПК РФ.

Между тем на практике имеют место случаи распространения гарантии неприкосновенности судей на судей в отставке, занимающихся коммерческой деятельностью, которой они заниматься также не вправе. Так, на основании решения ККС области от 26 июля 2013 г. отставка судьи Т. прекращена по причине его трудоустройства в коммерческую организацию. Тем не менее возбуждение производства в его отношении было осуществлено по предусмотренной п. 4 ч. 1 ст. 448 УПК РФ процедуре. В частности, по представлению Председателя Следственного комитета РФ ВККС РФ 11 июня 2016 г. дано согласие на привлечение бывшего судьи областного суда Т. в качестве обвиняемого¹⁶.

¹⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. по делу № 11-Дп 12-69. URL: //sudact.ru/vsrif/doc/iWUnTCxc9XQO/

¹⁶ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 10 января 2017 г. №АПЛ16-570 // До-

Очевидно, что применение усложненного порядка в данном случае нельзя признать обоснованным.

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о наличии существенных трудностей в определении оснований применения особого порядка производства.

В этой связи для решения вопроса о наличии или отсутствии необходимости в производстве в порядке главы 52 УПК РФ требуется в первом случае точное установление наличия статуса лица, подпадающего под перечень лиц ст. 447 УПК РФ, во втором — точное установление момента утраты статуса, что непосредственным образом влияет на законность принимаемого решения. Думается, что в уголовно-процессуальном законе должно быть однозначно отражено ограничение срока производства в особом порядке сроком обладания лицом особым правовым статусом, т.е. между указанными сроками должна быть установлена прямая зависимость. Для устранения возможности неоднозначного толкования норм закона считаем необходимым следующую корректировку ч. 2 ст. 447 УПК РФ:

«2. Порядок производства по уголовным делам в отношении обладающих на период производства по уголовному делу статусом лиц, указанных в части первой настоящей статьи, устанавливается настоящим Кодексом с изъятиями, предусмотренными настоящей главой».

кумент официально опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Казаков А.А. Производство по делам в отношении лиц с особым статусом: основные заблуждения / А.А. Казаков // Уголовный процесс. 2020. № 5 (185). С. 76–81.
2. Корнакова С.В. К вопросу о факторах, влияющих на формирование доверия общества к суду и правосудию / С.В. Корнакова // Российский судья. 2020. № 1. С. 14–19.
3. Корнакова С.В. Логика уголовно-процессуального доказывания / С.В. Корнакова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 103–109.
4. Красильников А.В. О правовой сущности особого порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц / А.В. Красильников // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 110–113.
5. Латыпов Т.Р. О применении положений главы 52 УПК РФ при возбуждении уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц / Т.Р. Латыпов // Журнал российского права. 2010. № 8 (164). С. 59–65.
6. Мищенко Е.В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел : диссертация доктора юридических наук / Е.В. Мищенко. Оренбург, 2014. 458 с.
7. Погорельский А.А. Содержание, значение и дифференциация уголовно-процессуальной формы / А.А. Погорельский // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1(55). С. 82–89.
8. Шаталов А.С. Специальные субъекты в уголовном судопроизводстве России: порядок уголовного преследования / А.С. Шаталов // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 128–138.
9. Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного процесса / Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т.В. Трубникова ; под редакцией М.С. Свиридова. Томск : Изд-во Томского университета, 2001. 300 с.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-8-29-34

Специфика конституционного принципа языка судопроизводства в России

Тресков Алексей Павлович,

доцент кафедры теории государства и права

Ростовского государственного университета путей сообщения (РГУПС),

федеральный судья в отставке, кандидат юридических наук

altreskov@yandex.ru

Как один из основополагающих и базовых, конституционный принцип языка судопроизводства получил свое отражение уже в первых конституционных проектах, разрабатываемых российскими правоведом и государственными деятелями, однако на современном этапе развития государства и процессуального права его фактическое применение имеет определенную специфику, отличающую его от других общепризнанных принципов судопроизводства. Данная специфика и выступила предметом исследования в данной статье, в результате которого в работе делается попытка ответить на вопрос: чем юридически обуславливается невозможность в кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции, арбитражных судах, военных судах вести судопроизводство и делопроизводство также на государственном языке республики, на территории которой находится суд?

Ключевые слова: конституция, принцип судопроизводства, судебная власть, суд, язык судопроизводства, национальный язык республики.

Specifics of the Constitutional Principle of the Language of Judicial Proceedings in Russia

Aleksey P. Treskov

Associate Professor of the Department of Theory of State and Law

of the Rostov State Transport University (RSTU)

Federal Judge Emeritus, PhD (Law)

As a fundamental and basic principle, the constitutional principle of language in legal proceedings was already reflected in the first constitutional drafts developed by Russian legal scholars and statesmen, however at the present stage of development of state and procedural law its actual application has certain peculiarities distinguishing it from other generally accepted principles of legal proceedings. This specificity is the subject of the study in this article, which also attempts to answer the question, what is the legal reason for the impossibility in cassation courts of general jurisdiction, appellate courts of general jurisdiction, arbitration courts, military courts to conduct court proceedings and record keeping also in the state language of the republic on the territory of which the court is located?

Keywords: constitution, judicial principle, judiciary, court, the language of court proceedings, the national language of the republic.

Являясь одним из основополагающих и базовых, конституционный принцип языка судопроизводства получил свое отражение уже в первых конституционных проектах, разрабатываемых российскими правоведом и государственными деятелями, однако на современном этапе развития государства и процессуального права его фактическое применение имеет определенную специфику, отличающую его от других общепризнанных принципов судопроизводства.

Отметим, что важность соблюдения принципа языка судопроизводства нельзя недооценивать, поскольку почти все процессуальные акты закрепляют в качестве безусловного основания для отмены решения суда первой инстанции в любом случае

нарушение правил о языке, на котором ведется судебное производство¹.

¹ Пункт 3 ч. 4 ст. 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; Пункт 5 ч. 2 ст. 389.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921; Пункт 3 ч. 1 ст. 310 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; Пункт 3 ч. 4. ст. 270 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

Нормативные правовые акты, определяющие процедуры различных видов судопроизводства, при формулировании принципов коррелируют их именно с судопроизводством. Данное касается главы IV Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»), формализовавшей принципы конституционного судопроизводства в их многообразии, в частности, с указанием языка судопроизводства ст. 33, в соответствии с которой производство в Конституционном Суде Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) ведется на русском языке².

Интересно отметить, что Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» вообще не содержит норм, касающихся языка судопроизводства.

Дальнейший анализ показал на легализацию искомых принципов в отраслевых кодексах. Так, в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) закреплены принципы уголовного судопроизводства³, в частности, язык судопроизводства — в ст. 18, в соответствии с которой уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик. В Верховном Суде Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ), кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции, военных судах производство по уголовным делам ведется на русском языке.

В Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ), в ст. 6, перечислены принципы административного судопроизводства⁴, в ст. 7–11, 13 и 14 представлена подробная характеристика указанных принципов. Стоит заметить, что среди этих положений есть норма ст. 12 — административное судопроизводство ведется на русском языке — государственном языке Российской Федерации. Административное судопроизводство в федеральных судах общей юрисдикции, на-

ходящихся на территории республики, которая входит в состав Российской Федерации, может вестись также на государственном языке этой республики.

Однако в ст. 6 КАС РФ, посвященной принципам и сформулированной согласно юридической технике в виде исчерпывающего перечня, данное положение о языке не определено в качестве принципа.

Статья 9 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) задекларировала, что гражданское судопроизводство ведется на русском языке — государственном языке Российской Федерации или на государственном языке республики, которая входит в состав Российской Федерации и на территории которой находится соответствующий суд. В военных судах гражданское судопроизводство ведется на русском языке⁵. Как видно, в данном нормативно-правовом акте принцип языка судопроизводства в военных судах разграничен.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в ст. 24.2 закрепляет, что производство по делам об административных правонарушениях ведется на русском языке — государственном языке Российской Федерации. Наряду с государственным языком Российской Федерации производство по делам об административных правонарушениях может вестись на государственном языке республики, на территории которой находятся судья, орган, должностное лицо, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях⁶.

В части принципа языка судопроизводства Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — АПК РФ) содержит ст. 12, в соответствии с которой судопроизводство в арбитражном суде ведется на русском языке — государственном языке Российской Федерации⁷.

Таким образом, промежуточно, исходя из видов судопроизводства, указанных в ст. 118 Конституции Российской Федерации, зафиксируем, что:

— Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»

² Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.04.2022) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 1.

⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ.

Федерации», естественно, допускает производство в Конституционном Суде РФ только на русском языке;

— УПК РФ допускает ведение судопроизводства на русском языке, а также на государственных языках входящих в Российской Федерации республик, однако отделяет относительно языка республики Верховный Суд РФ, кассационные, апелляционные суды общей юрисдикции и военные суды, в которых производство по уголовным делам ведется только на русском языке;

— КАС РФ допускает ведение судопроизводства на русском языке, а также на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик только в федеральных судах общей юрисдикции. В данном кодексе нет оговорки о Верховном Суде РФ, кассационных, апелляционных судах общей юрисдикции;

— ГПК РФ допускает ведение судопроизводства на русском языке, а также на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик. При этом в кодексе есть оговорка о военных судах, в которых гражданское судопроизводство ведется на русском языке, но нет оговорки о Верховном Суде РФ, кассационных, апелляционных судах общей юрисдикции;

— АПК РФ допускает ведение судопроизводства только на русском языке, без упоминания Верховного Суда РФ.

В данной части полагаем необходимым провести законодательную унификацию данного базового принципа языка судопроизводства, внося соответствующие изменения в процессуальное законодательство.

Между тем положения о языке судопроизводства содержатся и в специализированных нормативно-правовых актах.

Так, в силу ст. 3 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации») государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию, в том числе в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, делопроизводстве в федеральных судах, судопроизводстве и делопроизводстве у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации (далее — субъект РФ)⁸.

⁸ Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (ред. от 30.04.2021) // СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.

При этом законодатель разграничивает возможность использования языка в судопроизводстве и в делопроизводстве. Здесь же полагаем возможным с точки зрения теории права подразделить принцип языка судопроизводства на две категории — принцип использования государственного языка Российской Федерации и принцип использования государственного языка республики.

В силу ст. 18 Закона Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (далее — Закон РФ «О языках народов Российской Федерации») судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде РФ, Верховном Суде РФ, федеральных арбитражных судах, военных судах, а также делопроизводство в правоохранительных органах Российской Федерации ведется на государственном языке Российской Федерации. Судопроизводство и делопроизводство в других федеральных судах общей юрисдикции может вестись также на государственном языке республики, на территории которой находится соответствующий суд.

Судопроизводство и делопроизводство у мировых судей и в других судах субъектов РФ, а также делопроизводство в правоохранительных органах субъектов РФ ведется на государственном языке Российской Федерации или на государственном языке республики, на территории которой находится соответствующий суд или правоохранительный орган⁹.

Следующим ключевым нормативно-правовым актом родового характера, на наш взгляд, является Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее — Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»), который в ст. 10 закрепил, что судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде РФ, Верховном Суде РФ, кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции, арбитражных судах, военных судах ведутся на русском языке — государственном языке Российской Федерации. Судопроизводство и делопроизводство в других федеральных судах общей юрисдикции могут вестись также на государственном языке республики, на территории которой находится суд.

⁹ Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (ред. от 11.06.2021) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740.

Судопроизводство и делопроизводство у мировых судей и в других судах субъектов РФ ведется на русском языке либо на государственном языке республики, на территории которой находится суд.

На данном этапе на основе проанализированных нормативно-правовых актов мы приходим к тому, что если юридическая природа выбора со стороны законодателя Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ с точки зрения использования им только русского как языка судопроизводства вполне естественно обоснована, то включение в этот перечень кассационных, апелляционных судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов не совсем понятно. Таким образом, возникает следующий правовой вопрос.

Чем юридически обуславливается невозможность в кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции, арбитражных судах, военных судах вести судопроизводство и делопроизводство также на государственном языке республики, на территории которой находится суд?

Данный вопрос ранее не был предметом широкого круга исследования, вместе с тем попытаемся найти юридико-логическое обоснование данному факту.

Некоторые специалисты полагают, что, например, специфика военных судов заключается в первую очередь в их экстерриториальном характере, их формирование обусловлено местом дислокации соответствующих воинских формирований и частей, а не границами субъекта РФ, что по логике Закона исключает возможность использования национального языка субъекта РФ в рамках судопроизводства в данном суде. Таким образом, государственный язык Российской Федерации является единственно возможным и допустимым для ведения судопроизводства в военных судах¹⁰.

Другие специалисты полагают, что при определении языка судопроизводства без учета всех факторов может получиться, что с учетом многонационального характера Вооруженных сил Российской Федерации какие-то категории граждан не смогут пользоваться в суде родным языком, а деятельность военного суда будет осложнена вследствие трудностей при исследовании обстоятельств судебных дел¹¹.

¹⁰ Китрова Е.В., Кузьмин В.А., Григорьева Е.А. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 23 июня 1999 года № 1-ФКЗ «О военных судах РФ» (постатейный). 2-е изд. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011.

¹¹ Комментарий к Федеральному конституционному закону «О военных судах РФ» (постатей-

Как считает С.П. Щерба, «такая нормативная регламентация отражает реальный уровень использования русского языка в Вооруженных силах РФ и не носит какой-либо дискриминации, она обусловлена социально-демографическим составом военнослужащих, подавляющее число которых владеет русским языком, спецификой их боевой подготовки, проистекающей на русском языке»¹².

Однако здесь все же возникает неоднозначность данного обоснования. Действительно, формирование военных судов обусловлено местом дислокации соответствующих воинских формирований и частей, а не границами субъекта РФ, однако военные суды территориально все равно находятся в пределах того или иного субъекта¹³, соответственно, в случае дислокации все же на территории соответствующей республики не было бы излишним для суда и участников процесса располагать принципом языка республики. Кроме того, речь идет о праве, а не об обязанности суда руководствоваться и использовать в работе принцип языка судопроизводства.

Что касается кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, то в настоящий момент на территории России 9 кассационных судов общей юрисдикции, которые находятся в следующих городах: Саратове, Москве, Санкт-Петербурге, Краснодаре, Пятигорске, Самаре, Челябинске, Кемерово и Владивостоке соответственно.

Также в настоящий момент на территории России 5 апелляционных судов общей юрисдикции, которые находятся в следующих городах: Москве, Санкт-Петербурге, Сочи, Нижнем Новгороде и Новосибирске соответственно.

Таким образом, по смыслу Закона, на наш взгляд, невозможность в кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции вести судопроизводство и делопроизводство также на государственном языке республики, на территории которой находится суд, обусловлена тем фактом, что ни один из вышеперечисленных судов не находится на территории респу-

ный) / С.В. Булаковский, К.В. Фатеев, С.С. Харитонов и др.; под ред. В.В. Хомчика. М.: За права военнослужащих, 2012. Вып. 128. 240 с.

¹² Щерба С.П. Переводчик в российском уголовном процессе. М., 2005. С. 28.

¹³ За исключением военных судов, дислоцированных за пределами территории Российской Федерации в силу ст. 8 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации». См.: СПС «КонсультантПлюс».

блики, на которой установлен какой-либо национальный язык, помимо русского.

Кроме того, предполагаемая возможность вести судопроизводство и делопроизводство также на государственном языке республики для кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции предъявила бы дополнительные требования как к судьям, так и ко всем сотрудникам аппарата суда в виде знания национальных языков различных республик, что немаловажно усложнило бы судебный процесс, значительно увеличило бы срок рассмотрения дел и привело к дополнительным сложностям, связанным с подготовкой различных судебных документов, а также ведением самого процесса.

В то же время есть неопределенность и с тем, что, по сути, в случае использования задекларированного права пользования принципом языка республики в иных судах общей юрисдикции¹⁴ (верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа), в случае обжалования судебного акта участники судопроизводства лишаются права продолжить использовать данный принцип в кассационных и апелляционных судах общей юрисдикции.

Вместе с тем остается вопрос о том, что кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции были образованы уже после того¹⁵, как в законодательстве присутствовал вышеуказанный принцип языка судопроизводства, однако законодательство динамично и никто не может исключить образование иных кассационных или апелляционных судов общей юрисдикции в будущем на различных территориях, соответственно, наличие у них права пользования принципом языка республики не было бы избыточным либо образование специализированного кассационного и апелляционного судов общей юрисдикции, в компетенцию которых входил бы пересмотр судебных актов, принятых исключительно судами, находящимися на территории республик, на которых национальный язык установлен в их основном законе.

Что касается арбитражных судов, то алгоритм образования арбитражных судов

округа (арбитражных кассационных судов) и арбитражных апелляционных судов немного схож с принципом образования кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции. В настоящий момент на территории России 21 арбитражный апелляционный суд и 10 арбитражных судов округа (кассационных судов). При этом округ в данном случае не имеет отношения к федеральным округам по смыслу Указа Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе».

Данное обстоятельство частично может свидетельствовать о том, что невозможность в арбитражных судах округа (арбитражных кассационных судах) и арбитражных апелляционных судах вести судопроизводство и делопроизводство также на государственном языке республики, на территории которой находится суд, обусловлена тем фактом, что часть из них не находится на территории республики, на которой установлен какой-либо национальный язык, помимо русского.

Таким образом, при частично схожем способе образования судов общей юрисдикции и арбитражных судов получается ситуация, при которой вести судопроизводство и делопроизводство на государственном языке республики могут суды общей юрисдикции на уровне субъектов и не могут на уровне апелляций и кассаций, при этом арбитражные суды и вовсе во всей своей вертикали лишены такого права.

Неясным остается и юридическое обоснование невозможности в арбитражных судах субъекта вести судопроизводство и делопроизводство также на государственном языке республики, хотя такой суд находится в каждом субъекте РФ, в том числе на территориях республик, в которых установлен какой-либо национальный язык.

Предположим, что причина заключается в специфике деятельности арбитражных судов РФ.

В ч. 1 ст. 27 АПК РФ предусмотрено, что к юрисдикции арбитражных судов относятся дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

Частью 2 ст. 27, ст. 28 АПК РФ установлено, что арбитражные суды разрешают экономические споры и рассматривают иные дела с участием организаций, являющихся юридическими лицами, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в установленном

¹⁴ В силу ст. 10 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». См.: СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Главы 2.1 и 2.2 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

законом порядке; случаи рассмотрения арбитражным судом дела с участием гражданина, не имеющего статуса индивидуального предпринимателя, должны быть предусмотрены АПК РФ или федеральным законом.

Таким образом, одним из критериев отнесения того или иного дела к компетенции арбитражных судов наряду с экономическим характером требования является субъектный состав участников спора.

Данный субъектный состав участников спора и является возможной причиной ограничения действия принципа использования языка республики в судопроизводстве и делопроизводстве арбитражных судов, поскольку по общему правилу гражданин как физическое лицо традиционно занимает более слабую и зависимую сторону в юридических спорах как с организациями, так и с государством и нуждается в особой защите своих прав, в связи с чем дополнительным преимуществом для физических лиц в судах общей юрисдикции стала возможность использования ими языка республики, на территории которой находится суд, что служит скорее исключением социального характера из общего правила использования русского языка как основного языка судопроизводства.

Предъявляя более высокие требования к юридическим лицам как к участникам гражданско-правового оборота, государство, предвидя в том числе возможные злоупотребления, предоставило право организациям в арбитражных судах пользоваться исключительно государственным языком Российской Федерации — русским, что одновременно не может служить основанием для дискриминации языков других народов.

Кроме того, данное право подкреплено и тем, что в силу п. 3 ст. 18 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» лица, участвующие в деле и не владеющие

языком, на котором ведутся судопроизводство и делопроизводство в судах, а также делопроизводство в правоохранительных органах, вправе выступать и давать объяснения на родном языке или на любом свободно избранном ими языке общения, а также пользоваться услугами переводчика.

А также тем, что в силу п. 7 ст. 1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации.

В определенной степени лишение права пользования принципом государственного языка республики в некоторых судах ставит в неравное положение остальные суды по смыслу ст. 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» о единстве судебной системы, однако указанные нами выше ссылки на п. 3 ст. 18 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» и п. 7 ст. 1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» нивелируют данное обстоятельство.

Таким образом, действительно, можно констатировать, что конституционный принцип языка судопроизводства является в каком-то смысле ограниченным, поскольку применяется неравномерно относительно плоскости судебной системы России, однако данное ограничение, на наш взгляд, во-первых, законодательно обоснованно, во-вторых, направлено на реализацию права на равный доступ к правосудию и права на судопроизводство в разумный срок, создавая баланс прав и интересов всех лиц — участников судопроизводства, уравнивая тем самым многогранные аспекты этой юридической системы.

Литература

1. Китрова Е.В. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 23 июня 1999 года № 1-ФКЗ «О военных судах РФ» (постатейный) / Е.В. Китрова, В.А. Кузьмин, Е.А. Григорьева. 2-е изд. Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2011.
2. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О военных судах РФ» (постатейный) / С.В. Булаковский, К.В. Фатеев, С.С. Харитонов [и др.] ; под редакцией В.В. Хомчика. Москва : За права военнослужащих, 2012. 240 с.
3. Щерба С.П. Переводчик в российском уголовном процессе / С.П. Щерба. Москва : Экзамен, 2005. 416 с.

Некоторые особенности производства по уголовному делу в отношении судьи, обвиняемого в умышленном нарушении правил дорожного движения, если по неосторожности это повлекло наступление последствий, перечисленных в ст. 264 УК РФ: анализируем конкретные дела

Колоколов Никита Александрович,

заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета им. А.С. Грибоедова (ИМПЭ),

доктор юридических наук, профессор

nikita_kolokolov@mail.ru

Вниманию читателя предлагается краткий анализ хода судебного разбирательства в отношении судей, обвинявшихся органами предварительного расследования в умышленном нарушении ПДД, что по неосторожности повлекло наступление последствий, указанных в ч. 1 и 3 ст. 264 УК РФ. Оцениваются отдельные элементы тактики обвинения и защиты.

Ключевые слова: производство по уголовным делам в отношении судей, инициация производства, его особенности, тактика обвинения и защиты.

Some Peculiarities of Criminal Case Proceedings with Respect to a Judge Convicted of a Willful Violation of Road Traffic Safety Rules If It Resulted through Negligence in the Occurrence of Consequences Listed in Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation: An Analysis of Certain Cases

Nikita A. Kolokolov

Head of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial and Investigative Activities of the Griboyedov Moscow University, LL.D., Professor

The reader is offered a brief analysis of the course of the trial against judges accused by the preliminary investigation authorities of intentional violation of traffic rules, which, through negligence, led to the onset of the consequences specified in parts 1 and 3 of Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation. Individual elements of the tactics of prosecution and defense are evaluated.

Keywords: criminal proceedings against judges, initiation of proceedings, its features, prosecution and defense tactics.

Введение

Автомобиль уже давно стал обычным средством передвижения, неудивительно, что им в повседневной жизни активно пользуются и служители Фемиды, в том числе и судьи. Общеизвестно, что аварийность на дорогах России все еще весьма высока, причем в аварии попадают не только явные нарушители ПДД, но добросовестные, аккуратные участники движения. Одним из самых распространенных правонарушений на дороге является превышение скоростного режима. Проблема также заключается и в том, что подавляющее большинство участников движения излишне активно используют право на «нештрафуемое»

20-километровое превышение разрешенной скорости движения. При таких обстоятельствах водитель, который строго выполняет требования ПДД по скоростному режиму, невольно превращается в досадную помеху на дороге, ибо следующие в «нештрафуемом» по Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях 20-километровом лимите участники дорожного движения последовательно вынуждены его обгонять. При таких обстоятельствах даже самые законопослушные водители предпочитают придерживаться средней скорости транспортного потока.

Анализ показывают, что такой подход к решению проблемы при разбирательстве

по конкретным уголовным делам расценивается как бесспорно незаконный.

Кроме того, участники движения должны знать, что уважительное отношение к ним со стороны других участников дорожного движения отнюдь не гарантировано, достаточно таких водителей, которые, заметив опасность, вызванную, например, маневром другого автомобиля, не сочтут себя обязанными избежать столкновения, снизить скорость, изменить полосу движения.

Исключительную опасность для участников дорожного движения представляют пешеходы (потенциальные самоубийцы), пересекающие оживленные автотрассы с нарушением ПДД. Несмотря на то что своим поведением такие лица буквально провоцируют ДТП, общество весьма агрессивно относится к водителям, допустившим наезд на пешехода.

Лица, допустившие формальное по своей сути нарушение Правил дорожного движения Российской Федерации (далее — ПДД РФ), рискуют стать объектами уголовного преследования. Вниманию читателя предлагается анализ судебного разбирательства в отношении двух судей. При этом следует отметить, что существование главы 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц», в число которых входят и судьи, — не что иное, как признание на самом высоком законодательном уровне весьма злободневной проблемы: как бы специальным субъектам не стать жертвами провокаций, организуемых компетентными на то спецслужбами¹.

Изучение главы 52 УПК РФ, последовательности вносимых в нее изменений однозначно свидетельствует, что грамотно решить проблему привлечения к уголовной ответственности специального субъекта (в нашем случае судьи) далеко не просто.

Существует и проблема защиты прав судьи от неправомерного вторжения в его профессиональную деятельность, о чем мы также неоднократно писали². В этой связи определенный интерес представляет весьма объемное диссертационное исследование

¹ Время от времени лица, рискнувшие спровоцировать весьма спорное поведение чиновника, подвести его под статью о получении взятки, сами попадают на скамью подсудимых. О чем мы уже неоднократно писали. См., напр.: Колоколов Н.А. Какие действия скрывают в себе фальсификацию материалов уголовного дела // Уголовный процесс. 2022. № 8.

² Колоколов Н.А. Защита прав судьи: пределы действия принципа неприкосновенности // Уголовный процесс. 2011. № 10. С. 60–67.

Н.В. Романенко «Концепция совершенствования особого порядка уголовного производства в отношении судей в Российской Федерации»³.

Рассмотрим некоторые моменты, касающиеся тактики и защиты по таким делам, рассмотренным по первой инстанции судами областного звена.

1. Водитель не справился с управлением

1.1. Обстоятельства дела

Окружная дорога, ведущая из Рыбинска в Ярославль, представляет собой скоростную магистраль: по две полосы движения в каждую сторону с разделительным газоном. На данном участке дороги официально разрешена максимальная скорость движения 90 км/ч, пешеходные переходы отсутствуют.

По версии обвинения, утром 9 августа 2017 г. потерпевшая К., грубо нарушив п. 4.3 и 4.5 ПДД РФ, переходила проезжую часть автомагистрали в неустановленном месте, создав тем самым явную помеху для движения потока транспортных средств, водители которых были вынуждены резко притормаживать, менять скорость и направление движения.

По версии обвинения, судья П., управляя автомобилем «Рено Сандеро», двигаясь по окружной автомобильной дороге из Рыбинска в Ярославль в транспортном потоке со скоростью не ниже 107,6 км/ч (то есть с превышением установленного лимита скорости на 17,6 км/ч), сбил пешехода К., которая скончалась на месте.

Весьма подробно обстоятельства дела описал свидетель Д., который управлял автомобилем «Хендай Солярис». Так же, как и П., по объездной дороге из Рыбинска в Ярославль он двигался скоростью не менее 100 км/ч (то есть с превышением установленного лимита не менее чем на 10 км/ч). Примерно в 10–20 м за ним постоянно шел автомобиль «Рено Сандеро», которым управлял П. За 150–200 м до поворота на д. Аксеново идущие впереди машины в силу каких-то причин вдруг стали резко тормозить, менять траекторию движения: некоторые сворачивали вправо, другие — влево. Он также стал притормаживать, и в этот момент совершенно внезапно увидел на пути своего движения на середине левого ряда пожилую женщину — К., которая перебежала проезжую часть дороги от правой обочины в сторону разделительного газона. Он применил экстренное

³ Романенко Н.В. Концепция совершенствования особого порядка уголовного производства в отношении судей в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 500 с.

торможение и быстро перестроился из левого ряда в правый, объехал таким образом потерпевшую и продолжил движение. В зеркало заднего вида он рассмотрел, что следовавший за ним в 20 м «Рено Сандеро» тоже начал резко тормозить, пытался объехать женщину справа, однако данная машина завалила на дороге, пошла юзом в сторону правой обочины, выехала на нее, после чего автомобиль там же резко развернуло и боком выбросило обратно на проезжую часть, где ближе к разделительному газону машина наехала на пешехода передней правой стороной. Потерпевшая упала головой на лобовое стекло, а телом — на капот автомобиля. Автомобиль «Рено Сандеро» продолжил движение через разделительный газон и встречную полосу, проехав которую, остановился в кювете на левой обочине.

1.2. Суд первой инстанции

По приговору Костромского областного суда от 6 июня 2019 г. П. признан виновным в ДТП и осужден по ч. 3 ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) с применением ст. 73 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год 6 месяцев, с лишением права управления транспортными средствами на 2 года.

Постановлено взыскать с П. в пользу потерпевшего К.И. в счет компенсации морального вреда 500 000 руб.

1.3. Позиции сторон в суде второй инстанции

Данное судебное решение было обжаловано сыном потерпевшей К. — признанным по делу потерпевшим К.И. В апелляционной жалобе последний просил усилить назначенное П. наказание до 2 лет лишения свободы с отбыванием его в колонии-поселении, с лишением права управлять транспортным средством до 3 лет, а также взыскать с осужденного в его пользу компенсацию морального вреда в размере 1 900 000 руб.

Свою позицию К.И. мотивировал тем, что П. ранее якобы семь раз был изобличен в несоблюдении скоростного режима движения, однако с учетом статуса судьи так и не был привлечен за это к административной ответственности. Несмотря на то что судья должен быть примером во всем, П. виновным себя в итоге так и не признал, а извинения принес потерпевшему лишь в последнем слове.

Ссылаясь на показания группы свидетелей, автор жалобы настаивал на том, что его мать, погибшая К., правил дорожного

движения не нарушала, вывод суда об этом является необоснованным.

Считает незаконным решение суда об отнесении выплаченных П. ему (К.И.) 200 000 руб. в счет возмещения компенсации морального вреда, поскольку сам осужденный о таком зачете не просил, а, наоборот, говорил о готовности возместить моральный вред.

Защитник осужденного П., адвокат, просил обвинительный приговор отменить ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела. В частности, в заключениях экспертов-автотехников имеются существенные противоречия, его подзащитный не имел возможности предотвратить наезд на потерпевшую, судом не установлен момент возникновения у П. опасности для движения, скорость движения автомобиля и место наезда на пешехода.

Осужденный П. в апелляционной жалобе также просил приговор отменить, так как доказательств его виновности нет. Пешехода он обнаружил за 10–15 м до того места, где произошел съезд на обочину, и за 30–40 м до самого пешехода, опасных маневров он не совершал, сложившаяся ситуация обусловлена колеиностью дороги.

1.4. В суде второй инстанции

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (далее — Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ), проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционных жалоб и возражения на них, нашла выводы суда о доказанности вины П., управлявшего автомобилем в нарушении ПДД РФ, повлекшем по неосторожности смерть пешехода, потерпевшей К., правильными.

Установлено, что следы автомобиля П. уходили в сторону правой обочины, захватывали ее и оттуда шли через проезжую часть через разделительный газон и далее по проезжей части встречного направления к обочине. Место наезда — разделительный газон, ближе к полосе движения по направлению в г. Ярославль.

Эксперты констатировали, что П. двигался в левом ряду проезжей части, а потом, увидев, что впереди идущая автомашина стала тормозить, также применил торможение и сместился к правой обочине. Обследовав данный участок дороги, эксперт М. обнаружил следы юза (сцепления заблокированного колеса с асфальтом), которые начинались с середины проезжей части в направлении г. Ярославля, следы эти шли на правую обочину, на которой переходили

в занос (машина стала разворачиваться правой стороной по ходу движения), проходили боковым скольжением через проезжую часть, разделительный газон, полосу встречного движения, на левую обочину, где автомобиль и остановился.

Никаких иных следов торможения, которые имели бы отношение к факту указанного дорожно-транспортного происшествия, ими установлено не было, при этом ни у кого из участников осмотра и специалистов не возникло сомнений в том, что зафиксированные ими следы тормозного пути принадлежат одному транспортному средству — «Рено Сандеро».

На данном участке никаких изъянов дорожного полотна (ямы, выбоины), колеиности выявлено не было. В месте съезда автомобиля на правую обочину выявлено нарушение установленных требований — занижения обочины по отношению к проезжей части на 10 см.

Согласно заключению эксперта-автотехника, скорость движения автомобиля «Рено Сандеро» перед началом торможения была не менее 107,6 км/ч. Установление у водителя этого автомобиля наличия (либо отсутствия) технической возможности предотвратить наезд на пешехода в процессе неконтролируемого движения автомобиля лишено практического смысла, как противоречащее методике экспертных исследований.

Избранная водителем «Рено Сандеро» дистанция (20 м) до движущегося впереди «Хендай Солярис» является достаточной для предотвращения столкновения при экстренном торможении.

При исследовании вопроса о наличии у водителя технической возможности избежать наезда пешехода эксперт исходил из того, сам П. в своих пояснениях не смог четко указать, на что именно он среагировал: на тормозящий впереди автомобиль или на выходящего из-за него на проезжую часть пешехода.

Наезд автомобиля на потерпевшую произошел в неконтролируемом заносе, то есть водитель не мог влиять на его органы управления, поэтому и ответить о том, была ли у него техническая возможность избежать столкновение, не представляется возможным;

При скорости 107,6 км/ч у водителя «Рено Сандеро» отсутствовала техническая возможность остановить автомобиль в пределах расстояния удаления и этим предотвратить наезд на пешехода, так как величина остановочного пути при данной скорости в 109,6 м больше расстояния удаления автомобиля от места наезда — 98,2 м.

В то же время при движении автомобиля с допустимой скоростью 90 км/ч при этих же исходных данных водитель «Рено Сандеро» имел техническую возможность предотвратить наезд на пешехода, так как величина остановочного пути составляет 82,7 м.

Моментом возникновения опасности для П. было определено начало следов торможения его автомобиля, тогда как момент обнаружения опасности в виде пешехода, с его слов, имел место ранее. Имела место классическая схема попытки водителя при выезде автомобиля на обочину вернуть его обратно на проезжую часть; по геометрии следа было видно, что когда автомобиль П. правыми колесами выехал на обочину, он попытался вернуть его на проезжую часть, вывернув руль в левую сторону, но поскольку находящееся на обочине правое колесо не может зацепиться за поверхность, оно не может ответить адекватной реакцией на поворот руля, в связи с чем начинается его боковое проскальзывание. Водитель, видя, что автомобиль не реагирует, начинает еще больше выворачивать руль, в это время в какой-то момент происходит сцепление правого колеса и автомобиль начинает возвращаться на проезжую часть. Но поскольку рулевое колесо перекручено влево, автомашину под большим углом уже в неконтролируемом заносе выбрасывает обратно на проезжую часть.

Эксперты пришли к выводу, что причиной заноса автомобиля был его выезд на обочину и неправильные действия водителя.

Доводы потерпевшего К.И. о том, что погибшая К. не нарушала правил дорожного движения и что суд необоснованно признал указанное обстоятельство смягчающим П. наказание, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ нашла неубедительными, поскольку потерпевшая в нарушение п. 4.3 и 4.5 ПДД РФ переходила проезжую часть в месте, где отсутствовали пешеходные переходы, создав при этом помеху для движения транспортных средств, которые были вынуждены притормаживать и менять скорость и направление движения.

Суд обоснованно пришел к выводу о возможном исправлении П. без изоляции его от общества и о применении к нему положений ст. 73 УК РФ, а также не усмотрел оснований для изменения категории преступления на менее тяжкую в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ. Свои выводы суд также надлежащим образом мотивировал.

Назначенное осужденному наказание является соразмерным содеянному и справедливым, Судебная коллегия по уголов-

ным делам Верховного Суда РФ не нашла оснований ни для его смягчения, ни для его усечения.

Вместе с тем Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу, что приговор в части взыскания с П. в пользу потерпевшего К.И. в счет компенсации причиненного морального вреда 500 000 руб. подлежит отмене по следующим основаниям.

Установив, что в ходе предварительного расследования подсудимый выплатил потерпевшему 200 000 руб., о чем в деле имеется расписка, что из показаний потерпевшего следует, что из них 150 000 руб. составляли материальные расходы, на которые у него имелись соответствующие документы и которые он представил подсудимому, что эти же документы потерпевший представил и в страховую компанию, где была застрахована гражданская ответственность подсудимого как владельца транспортного средства, в результате чего потерпевшему страховой компанией была выплачена компенсация на сумму 500 000 руб., суд посчитал необходимым признать, что переданные подсудимым потерпевшему 200 000 руб. были выплачены в счет компенсации морального вреда. С учетом изложенного суд установил компенсацию морального вреда, подлежащую взысканию с подсудимого П. в пользу потерпевшего, в размере 500 000 руб., о размере которого указал и в резолютивной части приговора.

Вместе с тем при принятии данного решения суд не дал никакой оценки тому обстоятельству, что, согласно указанной выше расписке, в ней прямо указано, что 200 000 руб. получены К.И. от П. в счет компенсации материального вреда, причиненного потерпевшему и его семье в связи с гибелью его матери.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о необходимости отмены указанного решения суда и о направлении дела в этой части на новое судебное разбирательство, в ходе которого суду необходимо выяснить мнение сторон по данному вопросу, определить размер компенсации морального вреда, подлежащей взысканию с осужденного в пользу потерпевшего, и решить вопрос о зачете или незначении в этот размер 200 000 руб., переданных осужденным потерпевшему⁴.

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2019 г. № 87-АПУ19-2 // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2019 г.

Нарушение правил переезда перекрестка

Суд первой инстанции установил, что М., управляя автомобилем «Ауди Р5» на нерегулируемом пересечении Пятницкого шоссе с автодорогой ММК — Волоколамско-Ленинградское шоссе, не убедившись в безопасности совершаемого маневра, не предвидя наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности мог и должен был их предвидеть, проигнорировав дорожный знак 2.4 «Уступи дорогу», выехал с второстепенной трассы при работе светофора в желтом мигающем режиме на указанный выше нерегулируемый перекресток, что повлекло столкновение с движущимся по главной дороге в прямом направлении со стороны Волоколамского шоссе автомобилем МАЗ с полуприцепом под управлением З. и причинение тяжкого вреда здоровью пассажира автомобиля «Ауди Р5» С. Тем самым М. нарушил требования п. 1.3, 1.5, 8.1, 13.3 и 13.9 ПДД РФ.

По приговору Московского областного суда от 18 февраля 2019 г. судья М. признан виновным в нарушении 25 мая 2015 г. ПДД при управлении автомобилем в Солнечногорском районе Московской области, что повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью С., за эти действия он осужден по ч. 1 ст. 264 УК РФ к ограничению свободы. От назначенного наказания виновный освобожден в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ — в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

В суде первой инстанции М. виновным себя не признал.

В апелляционной жалобе и дополнениях к ней осужденный М. утверждал, что ПДД РФ он не нарушал, оспаривал показания свидетелей, объективность протокола осмотра места происшествия и схемы ДТП. Осужденным высказана версия о том, что виновником ДТП являлся не он, а водитель МАЗа, который управлял автомобилем с превышением допустимой скорости, вел автомобиль по крайней правой полосе и имел реальную возможность избежать ДТП. В итоге осужденный попросил приговор отменить.

В письменных возражениях на приведенные в апелляционной жалобе доводы государственный обвинитель просит суд оставить их без удовлетворения, а приговор — без изменения.

Как следует из процессуальных документов, утверждения осужденного о том, что водитель МАЗа вел автомобиль с превышением скорости и по крайней правой полосе и имел реальную возможность избежать ДТП,

не основаны на материалах дела. Судебные инстанции посчитали, что действия водителя МАЗа не находились в причинной связи с наступившими последствиями, в то время как нарушение осужденным требований п. 13.9 ПДД РФ привело к причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшей С.

При назначении осужденному наказания суд учел характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие наказание, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, а также принципы справедливости и гуманизма.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 389.20 и 389.28 УПК РФ, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, а апелляционную жалобу — без удовлетворения⁵.

Основные научно-практические выводы

Анализ уголовного дела в отношении П. позволяет сделать вывод, что он явился заложником целого ряда обстоятельств, в числе которых:

— изначально высокая общая скорость транспортного потока — свыше 100 км/ч при разрешенных 90 км/ч, именно данное превышение следствие и поставит в вину П., даже несмотря на то что он находился в «нештрафуемом» лимите в 20 км/ч;

— грубейшее нарушение ПДД РФ потерпевшей, которая фактически «бросилась под колеса» пронесившихся по трассе автомобилей;

— превышение полотна дороги над обочиной более чем на 10 см, что, судя по

всему, явилось причиной углубления заноса автомобиля, который уже до этого по вине потерпевшей шел юзом; данное превышение воспрепятствовало успешному выравниванию автомобиля П., который в сложной дорожной ситуации, не справившись с управлением, резко вывернул руль влево, в результате чего сохраняющая момент инерции машина резко ушла влево, уже на разделительной полосе догнала потерпевшую и только по счастливой случайности не столкнулась с транспортом, следующим во встречном направлении.

Представляется, что дорожная ситуация по второму делу гораздо проще:

— М. на нерегулируемом перекрестке не пропустил машину, следующую по главной дороге, судя по всему, наивно рассчитывая, что ее водитель притормозит, изменит траекторию движения;

— вопрос, почему водитель МАЗа не предпринял всего комплекса мер, необходимых к предотвращению столкновения, а равно была ли у него такая возможность, не являлась ли вина водителей обоюдной, органами предварительного расследования и судом фактически не выяснялся.

В заключение мы вынуждены констатировать, что и в первом, и во втором случае обвинение опиралось исключительно только на один реальный факт: по делу П. — превышение скорости, по делу М. — водитель проигнорировал знак «Уступи дорогу».

В то же время размер наказания, назначенного каждому из осужденных, позволяет сделать вывод, что в комплексе смягчающих обстоятельств суды учитывали противоправное (в первом случае), некорректное (во втором случае) поведение участников движения.

Спорность многих обстоятельств обусловила и тактику защиты — оба подсудимых вину так и не признали.

⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2019 г. № 4-АПУ19-17 // Электронный архив Верховного Суда за 2019 г.

Литература

1. Колоколов Н.А. Защита прав судьи: пределы действия принципа неприкосновенности / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. 2011. № 10. С. 60–67.
2. Колоколов Н.А. Какие действия скрывают в себе фальсификацию материалов уголовного дела / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. 2022. № 8. С. 49–55.
3. Колоколов Н.А. Особенности производства по уголовному делу в отношении мирового судьи: анализируем конкретное дело / Н.А. Колоколов // Мировой судья. 2022. № 9.
4. Колоколов Н.А. Постановление суда, санкционирующее ОРМ, обжалуется по УПК РФ / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. 2017. № 5. С. 30–35.
5. Романенко Н.В. Концепция совершенствования особого порядка уголовного производства в отношении судей в Российской Федерации: диссертация доктора юридических наук / Н.В. Романенко. Екатеринбург, 2022. 500 с.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-8-41-44

Судебный контроль за реализацией распорядительных прав

Беспалова Вероника Руслановна,
аспирант кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии
ruslanovna.v@bk.ru

Статья посвящена актуальным вопросам, связанным с осуществлением судами контрольной деятельности при реализации сторонами распорядительных прав в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Автор рассматривает подходы к правовой природе распорядительных прав, сформулированные в научной литературе. По мере рассмотрения взглядов ученых автором формулируется вывод о дискуссионности вопроса квалификации конкретных полномочий в качестве распорядительных. Особое внимание уделяется вопросу противоречия действующих норм гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства. Автором выявлена обязанность суда контролировать реализацию такого распорядительного права, как изменение иска.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, судебный контроль, распорядительные права, распорядительные действия.

Judicial Control over Exercising of Administrative Rights

Veronika R. Bepalova
Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy

The article is devoted to topical issues related to the implementation by the courts of control activities when the parties exercise administrative rights in civil and arbitration proceedings. The author considers the approaches to the legal nature of administrative rights formulated in the scientific literature. As the views of scientists are considered, the author formulates the conclusion that the issue of qualifying specific powers as administrative powers is debatable. Particular attention is paid to the issue of contradiction of the current norms of civil procedure and arbitration procedural legislation. The author revealed the duty of the court to control the implementation of such an administrative right as a change in the claim.

Keywords: civil proceedings, arbitration proceedings, judicial review, dispositive rights, dispositive actions.

Рассмотрение и разрешение судебных дел невозможно без осуществления судом контрольной деятельности. Тем не менее имеющиеся доктринальные разработки в данной области в основном связаны с рассмотрением судебного контроля как отдельного института установления законности государственных или иных публичных полномочий.

Вместе с тем ряд ученых (Г.Л. Осокина, М.А. Фокина, А.В. Чекмарева, В.В. Ярков и другие) считают однозначным факт проявления контрольных полномочий при отправлении правосудия в гражданском и арбитражном судопроизводстве, например, при осуществлении контроля за деятельностью нотариусов, контроля на стадии исполнения судебных решений, а также контроля за реализацией сторонами распорядительных прав.

Судебный контроль при осуществлении распорядительных прав представляет особый интерес, поскольку реализуемые

сторонами полномочия приобретают существенное юридическое значение для рассматриваемого дела (в сравнении с другими процессуальными правами). По справедливому утверждению российского правоведа и представителя классики гражданского процесса Е.В. Васьковского, именно путем реализации распорядительного права происходит распоряжение «объектом процесса, т.е. заявляемыми суду юридическими требованиями»¹.

Таким образом, целью настоящей научной статьи является изучение контрольной деятельности суда при реализации сторонами распорядительных прав в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Следует отметить, что указанные виды судопроизводства характеризуются общностью институтов, рассматриваемые

¹ Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 576.

в судах правоотношения регулируются одним материальным правом, а также в последние годы наблюдается тенденция унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства. Об этом свидетельствуют объединение Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, разработка Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации² (далее — Концепция единого ГПК РФ) и реформирование процессуального законодательства (значительный вклад в унификацию внесли судебные реформы 2019 г.).

Именно поэтому целью настоящей статьи является изучение контрольной деятельности суда исключительно в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства, а не цивилистического процесса в целом. Сопоставление функций контроля за распорядительными действиями сторон, осуществляемыми в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства, с аналогичной деятельностью суда в рамках административного судопроизводства видится некорректным ввиду разнородности правовой природы рассматриваемых дел и задач судопроизводства.

Действующее законодательство, а также исследованные литературные источники, связанные с тематикой распорядительных прав, позволяют сделать однозначный вывод об обязательности санкционирования распорядительных действий со стороны суда. Безусловно, реализация распорядительных прав является характерным проявлением принципа диспозитивности в судопроизводстве. Вместе с тем осуществление данных полномочий не происходит произвольно, так как одним из обязательных субъектов гражданских правоотношений является суд, контролирующий поведение сторон при рассмотрении дела.

² Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 08.12.2014 № 124(1)) // СПС «Консультант-Плюс».

В этой связи следует согласиться с мнением Г.Л. Осокиной, которая, выделяя связь диспозитивного начала и императивного элемента гражданского процессуального метода правового регулирования, признавала факт осуществления распорядительных действий под контролем суда³. Более того, подконтрольность суду распорядительных прав неоднократно подчеркивалась в научной литературе, а именно в работах А.Н. Балашова, Г.В. Воронкова, А.В. Ильина, В.Ф. Ковина, М.К. Треушниковой, М.А. Фокиной, А.В. Чекмаревой, В.В. Яркова и других ученых.

Вместе с тем в доктринальных источниках отсутствуют комплексные разработки ученых, связанные с контрольной деятельностью суда при реализации конкретного распорядительного права. Научная статья А.В. Ильина «Контроль суда за распорядительными действиями сторон»⁴ является одной из немногих попыток определить пределы контрольной деятельности суда, вместе с тем автор в своей работе упоминает только отказ от иска, признание иска и мировое соглашение (то есть ученый не относит изменение иска к числу распорядительных и подконтрольных суду прав, с чем невозможно согласиться).

Однако, несмотря на сформированное мнение в научной литературе относительно подконтрольности распорядительных прав, необходимо выделить те моменты, которые представляются дискуссионными и не имеющими однородного понимания.

В первую очередь необходимо отметить, что в литературе встречается неоднозначный подход к толкованию правовой природы распорядительных прав. Неопределенность такого подхода связана в первую очередь с употреблением различной терминологии в литературе: «распорядительные права», «распорядительные действия», «распорядительные акты» (о распорядительных актах пишет

³ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть : учебник. 3-е изд., перераб. М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 28.

⁴ Ильин А.В. Контроль суда за распорядительными действиями сторон // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 6. С. 142–161.

В.Ф. Ковин⁵) и «процессуальные действия распорядительного характера» (данный термин употреблялся в трудах Г.Л. Осокиной⁶). Более того, имеются случаи, когда один и тот же ученый употребляет различные формулировки: М.К. Треушников в учебнике по гражданскому процессу сначала пишет о «распорядительных правах», а затем о «распорядительных действиях», понимая под используемыми терминами равнозначные правовые явления⁷.

Вместе с тем употребление термина «распорядительные действия» видится корректным исключительно при рассмотрении уже реализованных распорядительных прав. Таким образом, распорядительное право рассматривается в настоящей статье как правомочие, еще не реализованное уполномоченным лицом, а распорядительное действие — как уже осуществленное распорядительное право.

Данная позиция согласуется не только с логической точкой зрения, но и с нормами действующего законодательства: согласно положениям ст. 152 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁸ (далее — ГПК РФ) одной из целей предварительного судебного заседания является процессуальное закрепление распорядительных действий сторон. Таким образом, законодатель понимает под распорядительными действиями реализацию распорядительных прав, осуществленную на стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Следует учитывать, что противоречия не только доктринальные воззрения относительно распорядительных прав. Нормы действующего законодательства также имеют большую разрозненность в зависимости от вида судопроизводства, которым устанавливаются правила реализации распорядительных прав.

Как ст. 39 ГПК РФ, так и ст. 49 Арбитражного процессуального кодекса Рос-

сийской Федерации⁹ (далее — АПК РФ) установлены идентичные друг другу виды полномочий, относящиеся к распорядительным. Вместе с тем в исследуемых нормах содержится существенное противоречие относительно реализации распорядительных прав: в АПК РФ содержатся ограничения в реализации распорядительных прав применительно к инстанции, в которой рассматривается дело. На данное противоречие также обращено внимание в Концепции единого ГПК РФ, что свидетельствует о необходимости приведения вышеуказанных норм к единообразной регламентации.

Обозначив некоторые дискуссионные вопросы в исследуемой тематике, перейдем к непосредственному изучению распорядительных прав, регламентируемых ГПК РФ и АПК РФ, а также установим, что именно подлежит проверке при их реализации (то есть определим пределы судебного контроля), на примере такого распорядительного действия, как изменение исковых требований.

ГПК РФ и АПК РФ устанавливают конкретные критерии, подлежащие проверке: суд проверяет распорядительные действия на предмет противоречия закону или нарушения прав и законных интересов других лиц (ч. 2 ст. 39 ГПК РФ, ч. 5 ст. 49 АПК РФ).

Вместе с тем из содержания ч. 2 ст. 39 ГПК РФ следует, что суд фактически не проверяет изменение иска (в данной статье содержится указание только на проверку судом отказа от иска, признания иска и мирового соглашения), что представляется абсолютно некорректным и несоответствующим правовой природе данного распорядительного права. В частности, при изменении иска невозможно одновременное изменение основания и предмета, поэтому данное распорядительное действие должно также контролироваться судом на предмет нарушения закона.

Более того, при изменении иска суд должен установить наличие или отсутствие обязанности со стороны истца соблюсти претензионный порядок по новым, измененным требованиям, а также

⁵ Ковин В.Ф. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 176.

⁶ Осокина Г.Л. Указ. соч. С. 635.

⁷ Гражданский процесс : учебник / под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014.

⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

проконтролировать соблюдение данного порядка в тех случаях, когда такая обязанность возложена на истца. Санкционирование судом такого распорядительного действия без должного контроля является незаконным.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать совокупность следующих выводов и предложений.

1. Использование термина «распорядительные действия» представляется допустимым исключительно к тем правам, которые уже были осуществлены стороной (или сторонами) в рамках производства по делу. Поэтому и контролю со стороны суда подлежит уже воплощенное, реализованное право, то есть распорядительное действие.

2. Наблюдаются существенные противоречия между действующими нормами гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства о распорядительных правах. В частности, ст. 39 ГПК РФ содержит указание на проверку судом исключительно отказа истца от иска, признания иска ответчиком и мирового соглашения сторон, тем самым фактически изменение иска не подлежит контролю суда. Вместе с тем изменение иска также должно проверяться судом на предмет соблюдения требований закона.

Более того, проанализировав положения ст. 49 АПК РФ, необходимо отметить, что в арбитражном судопроизводстве суд контролирует аналогичные действия, как и в гражданском судопроизводстве, но норма дополнена еще одним подконтрольным полномочием — уменьшение истцом размера исковых требований. Представляется не совсем понятной логика законодателя, указавшего только уменьшение иска как разновидность права на изменение иска. Более того, полагаем, что как ГПК РФ, так и АПК РФ должны закреплять идентичные распорядительные права, подлежащие контролю со стороны суда.

С целью формирования однозначной регламентации и единообразного понимания предлагается изменить действующие положения ч. 2 ст. 39 ГПК РФ и ч. 5 ст. 49 АПК РФ и изложить их в следующей редакции: «Суд не принимает отказ истца от иска, изменение им размера исковых требований, признание ответчиком иска, не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права других лиц. В этих случаях суд рассматривает дело по существу».

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод, что без проверки распорядительных действий со стороны суда невозможно правильное рассмотрение дел в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Литература

1. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия / Е.В. Васьковский. Москва: Статут, 2016. 624 с.
2. Гражданский процесс: учебник / под редакцией М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2014. 959 с.
3. Ильин А.В. Контроль суда за распорядительными действиями сторон / А.В. Ильин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 6. С. 142–161.
4. Ковин В.Ф. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству: диссертация кандидата юридических наук / В.Ф. Ковин. Свердловск, 1971. 313 с.
5. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть: учебник / Г.Л. Осокина. 3-е изд., перераб. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. 704 с.
6. Чекмарева А.В. Процессуальное закрепление распорядительных действий сторон и установление факта пропуска срока исковой давности или срока обращения в суд в предварительном судебном заседании / А.В. Чекмарева // Современное право. 2017. № 4. С. 78–82.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-8-45-49

К вопросу последствий денонсации Россией Европейской конвенции по правам человека: обеспечение прав и свобод участников гражданского судопроизводства

Мельник Сергей Васильевич,

профессор кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин Орловского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент
m809sv@yandex.ru

Гомозова Ольга Юрьевна,

курсант 4-го курса факультета подготовки следователей Орловского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова
avtor@lawinfo.ru

В данной статье авторы анализируют последствия денонсации Россией Европейской конвенции по правам человека и выход из-под юрисдикции Страсбургского суда в рамках обеспечения прав и свобод участников гражданского судопроизводства на справедливое судебное разбирательство.

Ключевые слова: денонсация, ЕСПЧ, справедливое разбирательство, Совет Европы, гражданское судопроизводство.

On Consequences of Denunciation of the European Convention on Human Rights by Russia: Protection of Rights and Freedoms of Parties to Civil Proceedings

Sergey V. Melnik

Professor of the Department of Civil, Legal and Economic Disciplines of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov
PhD (Law), Associate Professor

Olga Yu. Gomozova

4th year Cadet of the Investigator Training Faculty of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov

In this article, the authors analyze the consequences of Russia's denunciation of the European Convention on Human Rights and withdrawal from the jurisdiction of the Strasbourg Court within the framework of ensuring the rights and freedoms of participants in civil proceedings to a fair trial.

Keywords: denunciation, the European Court of Human Rights, fair trial, Council of Europe, civil proceedings.

Формирование единых стандартов в области защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина является фундаментальным вопросом в области материального и процессуального права в эпоху объединения стран мира в различные группы, скрепленные общими идеями и задачами международного уровня. В основу необходимости введения таких стандартов легло историческое и социокультурное осмысление процесса глобализации, исток которого неразрывно связан с интеграцией международных концернов, последствием стало сближение правовых систем, под-

разумевающее определение основных направлений согласованного развития национальных законодательных основ с целью преодоления правовых различий и выработки новых правовых решений.

С юридической точки зрения интерес к сотрудничеству получил особую актуальность на рубеже XX и XXI вв., когда государства были объединены общей мыслью в создании единообразных норм международного материального права. Особый научный интерес к обсуждению реалий сближения правовых систем возрос в свете дискуссий о международно-правовой

унификации созданных законодательных норм.

Федеральный закон от 23 февраля 1996 г. № 19-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы»¹ стал фундаментом построения процесса унификации в свете обеспечения деятельности по выполнению требований Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.²

Именно ратификация Россией данного правового акта Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» (далее — Конвенция) позволила принять и разработать комплекс мер, направленных на наделение особой роли юрисдикции Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ)³. В случае если Российская Федерация нарушит положения договорных актов, юрисдикция ЕСПЧ признается *ipso facto* и без специального соглашения по вопросам обязательного толкования и применения норм Конвенции и Протоколов к ней в национальном правовом поле.

Гармонизация норм права в свете ратификации Российской Федерацией международных актов призвана осуществить задачи по интернационализации взаимного влияния правовых систем и размытию границ проблемных аспектов.

Сейчас можно констатировать, что в условиях сложившейся геополитической обстановки Россия денонсирует Конвенцию и выйдет из состава Совета Европы⁴.

Генезис развития международных отношений в свете реализации положений сообщества Совета Европы достиг высокого развития в достижении единства между его членами, что является упомянутым нами ранее процессом интернационализации правовых систем. Как известно, решения ЕСПЧ основаны на анализе судебной практики и применении судебного прецедента как источника права. Россия, в свою очередь, обязалась выполнять правовые нормы в полной мере, хотя в национальной системе права и

отсутствует норма для признания именно такого источника права. Это и есть наглядный пример рассматриваемого нами процесса — интеграции европейской правовой системы в российскую законодательную систему.

Акты ЕСПЧ, став особым источником процессуального права, призваны создать первооснову, в том числе и в сфере российского гражданского судопроизводства. Реализация норм решений ЕСПЧ в гражданско-процессуальном праве позволила повысить эффективность справедливого правосудия в рамках внедрения прецедентного права. Следовательно, возникает вопрос о значении термина «справедливость» при правлении правосудия в гражданском судопроизводстве. Основные требования соблюдения рассматриваемого принципа коррелированы частными решениями ЕСПЧ, которые, в свою очередь, кладутся в фундамент функционирования механизма восприятия конкретных положений через призму национальной процессуальной формы соблюдения права человека на справедливое судебное разбирательство. Из содержания ч. 1 ст. 6 Конвенции следует, что право на справедливое судебное разбирательство имеет комплексный характер, рассматриваемый с двух позиций. Субъективизм такого права состоит в наделении человека правом на справедливое гражданское судопроизводство, в то время как объективизм означает наличие пласта правовых норм, на которых базируется реализация данного права.

Анализ судебной практики ЕСПЧ позволил внести свои коррективы через проекцию принимаемых решений в части установления ряда процессуальных норм-принципов в области гражданского судопроизводства. Так, косвенно закрепляя позицию справедливости судебного разбирательства, ЕСПЧ руководствуется следующими принципами, реализация которых обособляется некоторыми условиями, отличающимися от интерпретации в российском гражданском судопроизводстве: равенство сторон в судебном разбирательстве, доступность правосудия, правовая определенность, запрет вмешательства властей в судебное производство.

Особый интерес в научных дискуссиях проявляется к содержанию принципа правовой определенности в толковании ЕСПЧ. Исследуемый принцип выделяется в наибольшем числе постановлений ЕСПЧ против России, согласно приведенному ЕСПЧ толкованию, его содержание требует, «чтобы если суды вынесли окончательное решение по вопросу, то их решение не ставилось бы под сомнение»⁵.

¹ Федеральный закон от 23 февраля 1996 г. № 19-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы» // Российская газета — Федеральный выпуск. 1996. 24 февраля.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (г. Рим, 04.11.1950) // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

³ Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

⁴ Россия вышла из Совета Европы. URL: <https://tass.ru/politika/14079583>

⁵ Постановление Европейского суда по правам человека от 24 июля 2003 г. Дело «Рябых против

Авторитет принимаемых ЕСПЧ решений неоспорим среди участников Конвенции, а отступление от правовой обязательности вынесенного постановления по делу допустимо в исключительных случаях, когда исполнение решения прямо противоречит установкам Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ), принятой 12 декабря 1993 г.⁶ Однако это не имеет оснований для отсутствия изыскания правильного решения, удовлетворяющего интересы как национальных конституционных принципов, так и интересы ЕСПЧ, направив усилия на минимизацию конституционно-конвенционных коллизий. Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) также не раз обращал внимание на своевременное и обязательное исполнение постановлений ЕСПЧ. Конвенция признается неотъемлемой частью российской правовой системы, потому и компетентные органы обязаны исполнять решения по факту рассмотрения жалоб граждан против России. Кроме того, это диктует и ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, где прямо указаны правовые основания признания приоритетного действия норм международного права и международных договоров Российской Федерации над национальным законодательством.

Согласно статистическим данным, приведенным ежегодными докладами ЕСПЧ, в последние несколько лет наблюдается тенденция абсолютного лидерства России по количеству поданных на рассмотрение жалоб.

За 2021 г. секретариат ЕСПЧ передал на рассмотрение судей 9 548 жалоб, поступивших из России, что на 6,5% больше, чем за предыдущий отчетный период⁷. Помимо этого, Россия заняла лидирующую позицию и по количеству решений, устанавливающих хотя бы одно действительное нарушение Конвенции, их число составило 219 постановлений. Отметим, что применимо к гражданскому судопроизводству нарушение ст. 6 Конвенции в виде права на справедливое судебное разбирательство зафиксировано в 53 постановлениях, что является 24% от общего числа вынесенных постановлений против России⁸.

Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) (первая секция) // Журнал российского права. 2004. № 5.

⁶ Конституция Российской Федерации (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Analysis of statistics 2021. URL: https://echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2021_ENG.pdf

⁸ Violations by Article and by State. URL: https://echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2021_ENG.pdf

О чем это говорит? Во-первых, обжалование нарушенных прав, гарантированных Конвенцией и Протоколов к ней, является международным эффективным механизмом обеспечения защиты демократических основ российского гражданского общества, вроде крайнего шанса восстановить справедливость судебного процесса путем получения соответствующего решения о принятии мер, исключающих нарушение, а также о получении компенсации от государства.

Во-вторых, российский механизм реализации постановлений ЕСПЧ отмечается все большей успешностью выполнения требований по факту вынесенного решения. В частности, с выплатой присужденной компенсации, осуществляемой Аппаратом Уполномоченного Российской Федерации при ЕСПЧ, проблем не возникает. Механизм перечисления денежных средств начинает осуществляться в срок трех месяцев со дня вступления решения в законную силу.

Примером создания правовой позиции вследствие исполнения положений постановления ЕСПЧ является дело «Бирюков против России»⁹.

Постановление было инициировано обращением гражданина Бирюкова в раз- решение вопроса о наличии либо отсутствии нарушения норм Конвенции в действиях суда общей юрисдикции по оглашению исключительно резолютивной части решения в открытом судебном заседании в процессе рассмотрения гражданского дела. ЕСПЧ отметил, что в практике ведения российскими судами общей юрисдикции гражданского судопроизводства отмечается факт зачитывания лишь результативной части вынесенного судом решения без мотивировочной части, так как она выдается сторонам в течение пяти дней. Посчитав это существенным нарушением положений ч. 1 ст. 6 Конвенции в рамках гарантий принципа контроля правосудия общественностью, суд постановил о недопустимости продолжения практики неоглашения мотивировочной части вынесенного решения.

По сути, подобное решение в толковании англосаксонской системы права обосновывается на доктрине прецедента, а именно на части *ratio decidendi*, что означает правовое обоснование принимаемого решения. Иными словами, принцип *ratio decidendi* позволил через императивный судебный

⁹ Постановление Европейского суда по правам человека от 17 января 2008 г. Дело «Рякиб Бирюков против Российской Федерации» (жалоба № 14810/02) (первая секция) // Бюллетень Европейского суда по правам человека — Специальный выпуск. 2009. № 1.

акт индивидуального характера приобрести случаю прецедентный характер и породил общую норму.

Интересным представляется и воздействие решений ЕСПЧ на российскую гражданско-процессуальную систему в рамках наличия объективной потребности и значимости выявления существенные правовых недостатков и пробелов.

После масштабного реформирования гражданского судопроизводства ЕСПЧ не видел надзор в качестве эффективного средства правовой защиты, исчисляя сроки с момента прохождения второй инстанции, однако признавал таковой как средство правовой защиты. Это приносило некоторые трудности в надлежащем рассмотрении Судом жалоб, поступающих от российских граждан. В частности, ЕСПЧ считал, что отмена окончательного решения по гражданскому делу в порядке надзора является иллюзорным действием, нарушающим рассмотренный нами ранее принцип правовой определенности, а также положения, предписанные ст. 35 Конвенции.

Подход к данному вопросу был изменен со стороны прецедентной практики ЕСПЧ по итогам рассмотрения жалобы «Мартынец против России»¹⁰.

Упомянув о том, что ранее позиция ЕСПЧ в отношении данной процедуры состояла в категоричном отношении к надзорной инстанции как к неопределенному средству правовой защиты, зависимому от дискреционных полномочий, ЕСПЧ все же признал результаты многократного реформирования Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) в части некоторых изменений порядка надзорной инстанции¹¹. В частности, это касалось установления шестимесячного срока подачи надзорной жалобы и отмены неограниченной компетенции председателей районных судов по поводу отклонения надзорных жалоб согласно Федеральному закону от 4 декабря 2007 г. № 330-ФЗ¹². Признав такой порядок, ЕСПЧ все же не отступил от презрительной позиции, ссылаясь, что

эффективность данного средства правовой защиты не определена.

По итогам рассмотрения жалобы «Мартынец против Российской Федерации» ЕСПЧ счел жалобу неприемлемой в силу пропуска установленного шестимесячного срока подачи жалобы.

Кроме того, один из мотивов ЕСПЧ в признании реформированной российской процедуры подачи надзорной жалобы состоял в анализе Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2008 г. № 2 (признано утратившим силу), п. 6 которого указывает на необходимость сопоставления взаимосвязи между ст. 387 ГПК РФ (утратила силу, действовала в редакции ГПК РФ от 26.07.2019 № 84) и положениями Конвенции по вопросу условий приемлемости подачи жалобы после утраты всех эффективных внутренних средств правовой защиты¹³.

Нельзя оставить без внимания и факт наличия несогласия между позициями ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ. Согласно нормам действующего законодательства Конституционный Суд РФ вправе оценить законность постановления Страсбургского суда по представлению российского судебного органа. Чаще всего это бывает в тех случаях, когда в полученном решении со стороны ЕСПЧ российским гражданам присуждается справедливая компенсация, именно тогда суды направляют запрос в Конституционный Суд РФ с целью выяснения законного соответствия решения ЕСПЧ по отношению к российской судебной системе.

Это не раз отмечал и Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, утверждавший, что Россия «по идее» обязана исполнять соответствующие решения ЕСПЧ по присуждению компенсации, однако «мы должны сопоставить это решение со своей правовой системой»¹⁴.

Стоит поддержать тезис о том, что в вопросе реализации решения ЕСПЧ существует несколько правовых проблем, связанных с уровнем иерархичности системы

¹⁰ Решение Европейского суда по правам человека от 5 ноября 2009 г. по вопросу приемлемости жалобы № 29612/09 «Валентина Кирилловна Мартынец против Российской Федерации» (первая секция) // Бюллетень Европейского суда по правам человека — Российское издание. 2020. № 5.

¹¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета — Федеральный выпуск. 2002. 20 ноября.

¹² Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 330-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета — Федеральный выпуск. 2007. 8 декабря.

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2008 г. № 2 «О применении норм гражданского процессуального законодательства в суде надзорной инстанции в связи с принятием и введением в действие Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 330-ФЗ „О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации“» // Российская газета — Федеральный выпуск. 2008. 16 февраля. (Утратило силу.)

¹⁴ Зорькин В.Д. Проблемы реализации конвенции о правах человека. Выступление Председателя КС РФ // Конституционный Суд Российской Федерации. 2015. 25 октября.

российского законодательства. В правовых кругах с недавнего времени обсуждается проблематика доктрины конституционной идентичности, актуальность которой возникла вследствие возрастания активизма международных организаций по защите либерально-демократических принципов. ЕСПЧ в части надлежащего обеспечения прав и свобод участников гражданского судопроизводства неординарно оценивает многоуровневую систему российского законодательства, не делая различие между Основным законом Российской Федерации и иными нормативно-правовыми актами, отсюда и возникает такое явление, как проблема коллизии толкования.

Выход России из Совета Европы и последующая денонсация ЕСПЧ проходила красной линией в соображениях политологов и правоведов в последние несколько лет. Ныне, в условиях сложившейся геополитической обстановки, Россия была вынуждена пойти на этот шаг. Последствия денонсации могут негативно отразиться на перспективах развития гражданского судопроизводства, и граждане России уже с 16 сентября 2022 г. не смогут подать свое обращение, однако правомочие суда на рассмотрение жалоб, поданных до установленной даты, все еще остается.

Тем не менее нельзя говорить об упразднении принципа справедливости гражданского разбирательства из-за денонсации Конвенции, так как национальное законодательство так же диктовало соблюдение данного требования вкупе с международным правом. Проблемой является возникновение недостижимости какого-либо влияния на российскую правовую систему в контексте нарушения прав участников гражданского судопроизводства. Отставание от тенденций мирового сообщества в повышении эффективности такого средства правовой защиты в рамках решений, принимаемых ЕСПЧ, также может отразиться на эффективности принимаемых решений по гражданским делам.

Денонсация Конвенции касается и следования общеевропейским стандартам

и правилам, выработанным в процессе реализации ЕСПЧ судебной защиты граждан Российской Федерации. Ныне процессы возможного сближения правовых норм, а также корректировки национального законодательства в рамках создания новых прецедентов будут приостановлены на неопределенный срок. Процесс нормотворчества в любой стране соответствует общим тенденциям развития правового поля среди участников международных организаций, а это значит, что гражданско-процессуальное законодательство также затормозится в контексте диссимилиации правовой системы.

В заключение актуально привести мнение советника Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Н.В. Гаспаряна: «После ухода из юрисдикции ЕСПЧ образуется вакуум, который обязательно нужно чем-то заполнить. Необходим в России новый судебный институт, который в какой-то форме возьмет на себя функции Европейского суда. Это может быть специальный Суд по правам человека, модернизированный Конституционный либо Верховный Суд»¹⁵.

К слову, по нашему мнению, идея создания нового российского судебного органа не может быть реализована как дифференцированный от национальной правовой системы институт. Это обусловлено, во-первых, особой надгосударственной юрисдикцией ЕСПЧ по отношению к России, во-вторых, спецификой принимаемых решений и их реализации в контексте правового прецедента как источника права. Иными словами, по мнению некоторых правоведов, последствия для государства, денонсирующего Конвенцию, могут позволить отступить в правовом развитии гражданского судопроизводства и обеспечении законных прав на справедливое судебное разбирательство¹⁶.

¹⁵ Арстанова А. Россия заявила о выходе из Совета Европы // Адвокатская газета. 2022. 16 марта.

¹⁶ Миронова С. Подача жалоб в ЕСПЧ после исключения России из Совета Европы // Институт права и публичной логики. 2022. 7 июня.

Литература

1. Арстанова А. Россия заявила о выходе из Совета Европы / А. Арстанова // Адвокатская газета. 2022. 16 марта.
2. Зорькин В.Д. Проблемы реализации конвенции о правах человека. Выступление Председателя КС РФ / В.Д. Зорькин // Конституционный Суд Российской Федерации. 2015. 25 октября.
3. Миронова С. Подача жалоб в ЕСПЧ после исключения России из Совета Европы / С. Миронова // Институт права и публичной логики. 2022. 7 июня.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-8-50-55

Формирование представлений Анатолия Фёдоровича Кони о сущности судоустройства в России во второй половине XIX в.

Кодинцев Александр Яковлевич,

профессор кафедры теории и истории государства и права

Санкт-Петербургского института (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),

доктор юридических наук, доцент

Balsak1@yandex.ru

Штыкова Наталья Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент

logos-tur@yandex.ru

Во второй половине XIX в. молодой судья и прокурор Анатолий Фёдорович Кони, сталкиваясь с проблемами новой судебной системы, постепенно формировал образ идеального суда. В тот период идеи Анатолия Фёдоровича выросли из практического опыта. Первые рекомендации по усовершенствованию системы были им сформулированы в отношении института присяжных заседателей. Чтобы лучше понять идею судебной власти, Анатолий Фёдорович изучил историю судебных учреждений России и Европы, а также историю судебных зданий.

Ключевые слова: А.Ф. Кони, судоустройство, суд присяжных заседателей, судебная реформа, списки присяжных заседателей.

Shaping of Views of Anatoly F. Koni on the Essence of the Judicial Structure in Russia in the Second Half of the 19th Century

Aleksandr Ya. Kodintsev

Professor of the Department of Theory and History of State and Law

of the Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

LL.D., Associate Professor

Natalya N. Shtykova

PhD (Law), Associate Professor

In the second half of the 19th century, the young judge and prosecutor Anatoly Fedorovich Koni, faced with the problems of the new judicial system, gradually formed the image of an ideal court. At that time, the ideas of Anatoly Fedorovich grew out of practical experience. The first recommendations for improving the system were formulated by him in relation to the institution of jurors. To better understand the idea of judicial power, Anatoly Fedorovich studied the history of judicial institutions in Russia and Europe, as well as the history of judicial buildings.

Keywords: A.F. Koni, judiciary, jury trial, judicial reform, lists of jurors.

Труды Анатолия Фёдоровича Кони в области судоустройства не стали объектом полного и тщательного изучения, за отдельными исключениями. В 2016 г. исследователи Т.Е. Грязнова и А.Н. Язов опубликовали статью об идее судебной власти в трудах российских юристов поздней империи. Они отмечают, что Кони провел четкое разграничение власти — исполнительной и судебной. Деятельность судебных органов направлена на разрешение конкретного

спора о праве, деятельность администрации направлена на исполнение законов. Также разграничение происходит по силе принимаемых решений. Различаются мотивы властей. Основы правосудия вечны, основы деятельности администрации временны. Цель суда — установить справедливость, цель администрации — обеспечение общественного спокойствия и стабильности. Кроме того, администрация «смотрит вперед», а суд «смотрит назад»,

отыскивает истину. Администратор исходит из принципа целесообразности, судья — из принципа законности¹.

В своей публикации Б.Н. Мальков и А.Ф. Шеглов в 2015 г. обсудили нравственные цели Судебной реформы 1864 г. по трудам А.Ф. Кони² А.В. Илюхин проанализировал оценку работы суда присяжных на основе публикаций Кони³. Подробно деятельность Кони по защите суда присяжных была проанализирована в работа Ю. Иванова. В ней автор описывает характеристику суда присяжных, данную Кони, как гимн суда общественной совести⁴.

Анатолий Фёдорович был эмоционально вовлечен в процессы Судебной реформы России. Будучи студентом, он наблюдал судебные преобразования середины 1860-х гг. В дальнейшем на многие десятилетия вперед он близко к сердцу принимал все, что относилось к организации судебной системы империи. Категорично даже в самые неблагоприятные годы отстаивал неизменность основ судоустройства.

Уже в письмах 1860–1870-х гг. были отражены постоянные переживания по поводу организации судов империи. Например, в письме, написанном другу С. Морошкину в 1867 г., он переживал не от угрозы внешнего давления на систему, а «от внутреннего бессилия и нравственной импотенции деятелей этого суда». Новые суды заполонило «сонмище чиновников без всякой любви к делу». Министерство внутренних дел (далее — МВД) вмешивается в дела судебной корпорации, прокуратура не уважает суд, канцелярию наполняет «польская сволочь и маменькины сынки», судебные чиновники пресмыкаются перед полицией и пр. Эти опасения молодого человека в то время не подтвердились⁵.

В 1870-е годы молодой прокурор неоднократно размышлял о роли присяж-

ных заседателей (далее — ПЗ) в судебной системе империи. Исследуя рассмотрение отдельных категорий дел с участием ПЗ, А.Ф. Кони решил определить их применение по делам о должностных преступлениях и преступлениях против порядка управления (в 1875 г.). Одной из проблем был подбор ПЗ земскими собраниями. Собрания подбирали ПЗ в конце своих сессий. Комиссии для формирования списков ПЗ формировались из посредственных (малограмотных) гласных. Списки составляли земские управы, причем без предварительной проверки ПЗ. Вопреки ст. 90 Учреждения судебных установлений (далее — УСУ) никакие проверки не проводились. Списки каждый год переписывались автоматически, вплоть до того что в них попадали умершие люди. Сами внесенные лица проверить списки (согласно ст. 91, 92, 93 УСУ) не могли, так как место нахождения комиссий было неизвестно (комиссии были фиктивными). После формальной проверки губернатором списки публиковались в губернских ведомостях, которые никто не читал. Специальные усиленные комиссии во главе с предводителями дворянства должны были составлять очередные и запасные списки. Предводители и мировые судьи (входящие в комиссии) были занятыми людьми и формировали списки наудачу.

В очередные списки попадали крестьяне и мещане, остальные включались в последнюю очередь. Запасные же списки, напротив, пополнялись дворянами, чиновниками, купцами. Таким образом, они избегали участия в коллегии ПЗ. Те, кто все-таки попадал в очередные списки, добывали медицинские справки или оформляли служебные командировки, чтобы избежать «мобилизацию» в ПЗ. В итоге формировался крестьянский состав ПЗ. Они добросовестно трудились, но, не обладая широким кругозором, совершали ошибки. Что же делать? Надо (по Кони) переложить функции выборов на земские и городские управы, включить в их состав товарищей прокуроров, усилить уголовную ответственность за преступные действия при составлении списков. Списки надо не только публиковать в ведомостях, но и рассылать на места для ознакомления. В состав комиссий по составлению очередных списков

¹ Грязнова Т.Е., Язов А.Н. Судебная власть в интерпретации российских юристов конца XIX–XX вв. // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. С. 32–34.

² Мальков Б.Н., Шеглов А.Ф. Нравственные уроки судебной реформы // Вестник Российской правовой академии. 2015. № 2. С. 21–25.

³ Илюхин А.В. А.Ф. Кони о суде присяжных // Российский судья. 2001. № 8. С. 40–46.

⁴ Иванов Ю. «Я люблю суд присяжных и дорожу им...» // Российская юстиция. 1994. № 1. С. 31–34.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф.109. Оп. За. Д. 223. Л. 3–6. (Далее — ГА РФ.)

необходимо было включить членов окружных судов⁶.

Следующий случай вмешательства в организацию судоустройства представился Кони в 1876 г. В том году молодой вице-директор Департамента Министерства юстиции (далее — Минюст) вновь столкнулся с проблемой организации выборов присяжных заседателей, которая возлагалась на МВД империи. Он подготовил записку для Управляющего МВД. В ней Кони обосновывал высокую роль ПЗ по Судебным уставам. 10-летний опыт многое дал для понимания основных особенностей функционирования ПЗ в России.

Записка в МВД частично повторяла записку 1875 г. Одной из основных причин неудовлетворительной работы ПЗ являлся формальный подбор состава ПЗ особыми комиссиями, которым поручалось их формирование. Сначала составлялись общие списки ПЗ, затем очередные списки. Очередные списки составлялись председателем дворянства и мировым судьей. Если общие списки были открыты и их составление сопровождается гарантиями защиты прав потенциальных ПЗ, то очередные списки формировались в основном с использованием принципа добросовестности членов комиссии. Обжаловать решение было невозможно, губернатор комиссию не проверял.

Кони вновь отмечал, что списки составлялись формально из второстепенных деятелей, на основании данных 1864 г. То есть в них росло число умерших людей. Также составлялись очередные списки. В дополнительных списках господствовали по убыванию: дворяне, чиновники, купцы и другие (некрестьянские) групп населения. В «крестьянском» суде ПЗ возникал определенный процент странных решений и безграмотных вопросов к судье. В записке Кони не раз возвращался к мысли, что долю непривилегированных групп населения в составе ПЗ надо было сокращать «для равномерности... и поднятия умственного уровня присяжных заседателей»⁷.

Что же предлагал вице-директор департамента? Необходимо было повысить долю людей, «особо заинтересованных в поддержании и упрочении правосудия». Таковыми являлись представители судеб-

ного ведомства и гражданской администрации. При обсуждении введения Судебных уставов в 9 западных губерниях Минюст предложил МВД существенно расширить состав комиссий по формированию списков. Предложение сводилось к тому, что в уездных комиссиях резко возрастала доля заранее определенных должностных лиц, прежде всего мировых судей и административно-полицейских чиновников, за счет сокращения представителей земств и городов. Это нововведение Кони предлагал распространить на всю страну.

Одновременно усиливался контроль губернатора над комиссиями. Вообще в западных губерниях (Кони предлагал распространить правило на всю страну) существовали особые губернские комиссии (во главе с губернатором), которые просматривали списки присяжных, поступавшие из уездных комиссий. Надо было давать таким комиссиям право пересматривать списки вплоть до исключения из них нежелательных людей, без права на обжалование⁸.

Анатолий Фёдорович размышлял о непрестанной критике, которой подвергался суд ПЗ в обществе и печати. Воспринимая себя служителем Фемиды, он решил выступить в защиту любимого института и подготовил записку «Кое-что о суде присяжных» (дата подготовки статьи неизвестна). Статья (речь?) была подготовлена Анатолием Фёдоровичем в привычной, полемичной, форме. Он приводил аргумент о всеобщем утверждении, что многие приговоры присяжных содержат мягкие меры наказания. Но это вполне естественно для народного суда. Главный вопрос, который решают присяжные, — о виновности обвиняемого. Прежде всего, определяется объективная и субъективная сторона преступления. Для этого присяжным достаточно было обладать здравым рассудком и знанием жизни. Коронный судья выносил только приговор.

Казалось бы, их функции были ограничены. Так, присяжные, зная какое наказание ждет преступника, могли отрицать наличие некоторых элементов объективной стороны. Тем не менее у суда оставалось очень много полномочий, чтобы повлиять на решение присяжных. Далее Анатолий Фёдорович, применяя серию риторических приемов и смешивая разнородные понятия,

⁶ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 474. Л. 45–48.

⁷ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 493. Л. 1–7.

⁸ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 493. Л. 7–12.

формировал у читателя убеждение, что невозможно определить, действовали ли присяжные сознательно или неосознанно. Публичность процесса приводила к тому, что зрители могли понять, что судья целенаправленно подводил присяжных к определенному решению.

Для самих присяжных тягостным моментом являлся выбор между правильным ответом на вопросы судьи и неверным ответом, который мог смягчить вину подсудимого. Закон, устранив надзор за ними, позволял присяжным действовать так или иначе. Необходимо окончательно разрешить права присяжных в этих двух ключевых вопросах, утверждал Кони⁹.

Тема присяжных не отпускала Кони и на посту председателя СПб окружного суда. 28 ноября 1880 г. он сделал доклад в Санкт-Петербургском юридическом обществе «Судебная реформа и суд присяжных». Впоследствии этот материал он не раз использовал, постепенно его перерабатывая. Анализируя позиции работников юстиции эпохи реформы, он отмечал, что старые юристы выступали с консервативных позиций, молодые же, напротив, были готовы к радикальным преобразованиям. Реформа была встречена с восторгом, но далее она начала подвергаться мелким переделкам. Критике и нападкам подвергались: мировой суд за вмешательство в дела помещиков, адвокатура за публичную деятельность. Но сильнее всего критике подвергался суд присяжных.

Разбирая предшественников ПЗ, молодой судья сравнивал их с сословными представителями XIX в. и ценовальниками XVI в. Сравнивая, он отрицал связь с ними по тому простому основанию, что эти стародавние соучастники судебного процесса были существенно ограничены в своих правах в сравнении с российскими ПЗ. Множество противников реформы ссылались на неподготовленность российского народа. Анатолий Фёдорович подробно описывал трудности внедрения суда присяжных в Европе. Но все было преодолено. Также и в России надо дать суду ПЗ время, и он проявит себя с лучшей стороны. Не надо его отрицать и ограничивать, надо ему помогать. Нападкам суд ПЗ подвергался в тех случаях, когда принимал решение, не совпадающее с общественным мнением.

⁹ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–4.

Но это мнение легко изменяется. Более серьезное обвинение состояло в вынесении оправдательных приговоров по должностным преступлениям и паспортным делам. Что делать в таком случае, Кони не давал ответ. Неоднократно Кони говорил: «не трогай, не надо менять Уставы — они хороши, они прекрасное творение»¹⁰.

Кони постоянно размышлял о проблемах российского судостроения. В 1881 г. эти размышления впервые вылились в крупный труд: «Спорный вопрос нашего судостроения». Кони отмечал единодушие поданных при введении судебной реформы. В прекрасной литературной форме Анатолий Фёдорович раскрывал обстановку принятия судебных уставов. По прошествии 14 лет Анатолий Фёдорович отмечал угасание реформаторского духа, превращение судей в чиновников. Его тревожило отношение к суду присяжных как к эксперименту. По его мнению, этот общеевропейский институт является важнейшей частью судостроения, а не в какой мере не эксперимент. Далее Кони глубоко погружался в мир присяжных, в их ощущения, разбирал сущность суда, собирал мелкие нюансы деятельности ПЗ. Идеи, высказанные в статье, Кони потом неоднократно повторит в своих последующих публикациях.¹¹

Пример работы ПЗ Кони демонстрировал при рассмотрении дел по должностным преступлениям и преступлениям против паспортной системы. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) сурово наказывало лиц, нарушающих паспортный режим. Поэтому такие преступления рассматривал суд присяжных, который считал, что наказание будет незаслуженно суровым. С 1866 по 1880 г. Санкт-Петербургский окружной суд рассмотрел 216 дел на 281 обвиняемого по данной категории преступлений. Из них оправдательные приговоры были вынесены по 135 делам, оправдано 140 человек. В чем были причины массовых преступлений? Преступления против паспортных правил — это были преступления

¹⁰ Кони А.Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Кони А.Ф. За последние годы: судебные речи (1888–1896): воспоминания и сообщения: юридические заметки. СПб., 1896. С. 428–446.

¹¹ Кони А.Ф. Спорный вопрос нашего судостроения // Вестник Европы. 1881. Т. 87. Кн. 1. С. 199–235.

против системы. В них не было потерпевшего, не было пострадавшего учреждения.

Рассматривая преступления против паспортной системы, присяжные сталкивались с жизненными обстоятельствами. И эти обстоятельства почти всегда были в пользу обвиняемых. Здесь закон вступал в противоречие с правосудием. Кони анализировал недостатки паспортной системы, сравнивал ее с европейскими системами и говорил о фактическом саботаже этой модели в России. Паспортный режим выродился и использовался мелкими чиновниками для наживы на нуждающихся людях. Многие беспаспортные «преступники» были жертвами нужды. Бесконечные комиссии пытались изменить паспортное законодательство¹².

Культурные увлечения обер-прокурора привели его к идее описать обстановку функционирования судов. В 1892 г. Кони публикует доклад о зданиях судов империи. Сначала он подробно излагал историю парижских судов (Palais de Justice), погружая читателей в мир французской архитектуры. Излагал с большой любовью и знанием дела. Историю столичных судебных зданий он начал с московского здания Сената (в Кремле), куда в 1860-е годы въехали московские судебные учреждения. Труднее было в Санкт-Петербурге. Министру юстиции Замятнину удалось получить здание военного министерства (арсенал) на Литейной, 4. После ремонта здание верно служило до февраля 1917 г., когда оно сильно пострадало от пожара¹³.

Культурный подход к феномену судебной власти подталкивал Анатолия Фёдоровича рассматривать все аспекты судебной деятельности. В том числе ему была интересна история судебных зданий. В 1894 г. Кони выступил в Санкт-Петербургском юридическом обществе с докладом о судебных зданиях России («Новые меха и новое вино»).

Рассказав об истории французских судебных зданий, обер-прокурор рисовал картину российских учреждений. История дореформенных, неудачных, по его мнению, зданий была неинтересна. Другое дело, пореформенные судебные учреждения. Одно из наиболее примеча-

тельных зданий — дом Сената в Кремле (архитектор Казаков), заложенный в 1776 г. Для его возведения были снесены церкви Космы и Дамиана, св. Петра митрополита, боярские дворы, часть построек Чудова и Симонова монастырей. Сенатский дворец (облик которого хорошо узнаваем из многих фотографий) был выстроен в классическом стиле. Центральная часть дворца — круглая зала была захлаплена в 1819–1865 гг. материалами военного министерства.

После очищения и ремонта дворца в 1866 г. в здании были торжественно открыты Московская судебная палата и Московский окружной суд. В центральной ротонде стали изредка проводить большие судебные процессы с участием суда присяжных заседателей. При этом компетенция старых судебных департаментов Сената, оставшихся во дворце, все время сокращалась, они укрупнялись и освобождали новые помещения.

В Петербурге министр юстиции Замятнин с большим напряжением искал подходящее здание. Все варианты отпадали, один за другим. В итоге удалось договориться с военным министерством о передаче Минюсту здания старого арсенала. Сделка была выгодной для Минюста. Это строение — «довольно мрачное здание, с толстыми стенами, глубокими амбразурами окон и обширными, неприятными под сводами, комнатами и залами, от которых немного веяло холодом», по словам Кони, — было сооружено к 1776 г. Арсенал не отапливался и не имел печей. Благодаря архитектору Шмидту удалось преобразовать Старый Арсенал¹⁴.

Кроме проблем со зданиями перед Минюстом стояла проблема нехватки кадров. В первый же год (1866) потребовались сотни новых специалистов. Массовую поддержку реформам оказали создаваемые юридические общества, журналы, сотрудники министерства юстиции и, самое главное, царь. Воодушевление было настолько велико, что отдельные чиновники с радостью шли в судьи и прокуроры. То была «первая общественная любовь». Первые уголовные дела в новом суде подвергались страстному общественному обсуждению¹⁵.

¹² ГА РФ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 48. Л. 12–24.

¹³ Кони А.Ф. Новые меха и новое вино // За последние годы. СПб., 1896. С. 470–492.

¹⁴ Там же. С. 470–475.

¹⁵ Там же. С. 475–492.

В 1894 г. Кони пишет новую работу, посвященную институтам Судебной реформы 1864 г. Текст, похожий на речь, выполнен Кони в торжественных тонах, напоминает древнегреческие классические трагедии. Вначале автор исполнял дифирамб в честь реформы и определял места для будущих участников пьесы — юриста и «исследователя общественного самознания». Кони, говоря как бы от лица «исследователя», сообщал, что все сословия России ожидали реформу и страстно ее желали. Не скупясь на негативные эпитеты в отношении предреформенных лет, он говорил о длительном влиянии старой судебной традиции, ограниченности полномочий следователей. Старые судьи понимали необходимость преобразования, но с тревогой смотрели на будущие изменения. Кони выделял молодых судей, которые, напротив, ожидали реформу с нетерпением¹⁶.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–6.

Судебная реформа, как выразился Кони, «прочитала отходную приказным людям, давно ожидавшим свою служебную кончину». Вскоре проявились недостатки реформы. Например, публикация данных о предстоящем судебном рассмотрении формировала определенное общественное мнение, которое начинало давить на суд. Если же решение суда присяжных входило вразрез с общественным мнением, поднималась волна негодования и упреков. Им приписывали множество недостатков. Однако общественное мнение преходяще, и вскоре все забывалось. Присяжные же должны следовать закону и живым обстоятельствам дела. Они очень часто выносили оправдательные приговоры по ряду дел. Это порождало вопрос о целесообразности их работы вообще¹⁷. Кони стал ведущим «адвокатом», защищающим институт присяжных. Он много сделал для его сохранения и развития.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 48. Л. 6–11.

Литература

1. Грязнова Т.Е. Судебная власть в интерпретации российских юристов конца XIX–XX вв. / Т.Е. Грязнова, А.Н. Язов // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. С. 32–34.
2. Иванов Ю. «Я люблю суд присяжных и дорожу им...» / Ю. Иванов // Российская юстиция. 1994. № 1. С. 31–34.
3. Илюхин А.В. А.Ф. Кони о суде присяжных / А.В. Илюхин // Российский судья. 2001. № 8. С. 40–46.
4. Кони А.Ф. Новые меха и новое вино // Кони А.Ф. За последние годы : судебные речи (1888–1896) : воспоминания и сообщения : юридические заметки. Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1896. С.470–492.
5. Кони А.Ф. Спорный вопрос нашего судоустройства / А.Ф. Кони // Вестник Европы. 1881. Т. 87. Кн. 1. С. 199–235.
6. Кони А.Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Кони А.Ф. За последние годы : судебные речи (1888–1896) : воспоминания и сообщения : юридические заметки. Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1896. С. 428–446.
7. Мальков Б.Н. Нравственные уроки судебной реформы / Б.Н. Мальков, А.Ф. Щеглов // Вестник Российской правовой академии. 2015. № 2. С. 21–25.

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

Столетний интервал в содержании статистического наблюдения деятельности Верховного Суда РСФСР – Верховного Суда РФ

Латышева Наталья Аркадьевна,

доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
latyshevanatalia@yahoo.com

Осуществленное в 1924 г. статистическое наблюдение о деятельности Верховного Суда РСФСР за 1923 г. позволило впервые зафиксировать содержание судопроизводства высшего судебного органа социалистического государства в его количественном измерении. Цель настоящей статьи заключается в выявлении содержания и основных подходов к формированию первого статистического отчета о деятельности Верховного Суда РСФСР. Сравнительно-правовой метод с избранным, практически столетним, интервалом* позволил установить наиболее важные статистические показатели и их группы, взаимосвязи и новации в деятельности Верховного Суда РФ к завершению первой четверти XXI в.

Ключевые слова: Верховный Суд РСФСР, Верховный Суд РФ, судебная статистика, статистический метод, анализ данных судебной статистики.

A Hundred Years' Interval in the Statistical Survey of Activities of the Supreme Court of the RSFSR and the Supreme Court of the Russian Federation

Natalya A. Latysheva

Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law of the Northwestern Branch
of the Russian State University of Justice
PhD (Law)

Implemented in 1924, the statistical observation of the activities of the Supreme Court of the RSFSR for 1923 made it possible for the first time to record the content of the judicial state of the Socialist State of the Socialist State in its quantitative measurement. The purpose of this article is to identify the content and main approaches to the formation of the first statistical report on the activities of the Supreme Court of the RSFSR. The relatively legal method, with the chosen one, almost a sixteen interval, made it possible to establish the most important statistical indicators and their groups, relationships and innovations in the activities of the Supreme Court of the Russian Federation to the completion of the first quarter of the XXI century.

Keywords: the Supreme Court of the RSFSR, the Supreme Court of the Russian Federation, judicial statistics, statistical method, analysis of judicial statistics.

Анализ собранных данных об осуществленном судопроизводстве является заключительной стадией статистического исследования. Статистическая методология характеризуется «конкретностью исследования, которая выражается в неразрывной связи количественного анализа с установлением качественного своеобразия объектов в конкретно-исторических условиях места и времени»¹. Анализ данных судебной статистики является самостоятельным видом аналитической работы и позволяет произвести всестороннюю оценку деятель-

ности судов и эффективности правосудия². Данный вид специальной деятельности осуществлялся Верховным Судом РСФСР с момента его образования. Первым результатом осуществленного анализа о работе высшего судебного органа нового социалистического государства стал официально опубликованный статистический отчет Председателя Верховного Суда РСФСР Петра (Петериса) Ивановича (Яновича) Стучки о деятельности Верховного Суда РСФСР за 1923 г. Статистические показатели, представленные в отчете, объективно

¹ Савюк Л.К. Правовая статистика. М. : Юрист, 2002. С. 71.

² Андрущечкина И.Н. Судебная статистика : учебное пособие. М. : РГУП, 2016. С. 23.

* В рамках настоящего исследования в качестве границ закрытого интервального ряда применяются 1923 и 2021 гг.

характеризовали деятельность Верховного Суда РСФСР на основе Положения о судостроительстве РСФСР, утвержденного постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г. и введенного в действие с 1 января 1923 г. Первый статистический отчет Верховного Суда РСФСР фактически состоял из нескольких разделов: трех основных частей (за 11 месяцев 1923 г.), дополнительной части за декабрь 1923 г., а также приложений в виде Обзора деятельности Военных трибуналов и диаграмм.

Отчет Верховного Суда РСФСР за 1923 г., с точки зрения его председателя, на основе цифр позволял убедиться о «колоссальной работе Суда в течение самого тяжелого года», а также о том, «как мало пошло на старый сенат наш Верховный Суд»³.

Анализ деятельности Верховного Суда РСФСР в качестве первой инстанции за 1923 г. позволил дать систематизированное представление о рассмотрении высшим Судом, не имевшим мировых аналогов государства, уголовных и гражданских дел согласно действовавшим процессуальным нормам. В частности, из общего количества оконченных по существу уголовных дел 51 дело (72,86%) было рассмотрено на месте и 19 (27,14%) — в выездных сессиях. Из 756 привлеченных к уголовной ответственности по 70 делам 116 подсудимых были оправданы (15,34%). Подавляющее большинство осужденных Верховным Судом РСФСР, а именно 66, 25%, совершили должностные и государственные преступления. Из 424 человек, совершивших должностные преступления, 301 человек, или 70,99%, был осужден за взяточничество и 78 (18,40%) — за злоупотребление, превышение и бездействие власти. Из 181 человека, осужденного за государственные преступления, 117 (64,64%) были осуждены за контрреволюционные деяния, а 64 (35,36%) — за преступления против порядка управления (из этой категории 36 дел — бандитизм). К высшей мере наказания приговорены 106 осужденных, при этом наибольший процент расстрелов был применен к лицам, осужденным за взяточничество, — 44 человека (41,51%). Одной из целей статистического наблюдения являлось выявление социально-криминологические характеристик представших перед судом. Достижение данной цели на-

шло отражение в статистическом отчете. В частности, в 1923 г. осужденные Верховным Судом РСФСР граждане в большинстве своем были «интеллектуально развитые», «облеченные доверием со стороны Советской власти» и имели образование: низшее — 274 человека (42,81%); среднее — 268 (41,10%); высшее — 103 (16,09%); неграмотные — «отсутствовали совершенно»⁴. В отчете «выдающимися» были названы такие процессы 1923 г., как «Дело Центрального Жилищного Отдела», «Дело Главного Управления Государственного Коннозаводства», «Дело Корпуса военных топографов», «Дело автобазы Запфронта» и другие.

В сфере гражданского судопроизводства итоговые показатели 1923 г. были существенно ниже, что объяснялось более поздним сроком образования Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РСФСР, фактически преступившей к работе в марте рассматриваемого календарного года. Всего в производстве первой инстанции суда было 86 гражданских дел. При этом 39 (51,32%) из заслушанных дел были переданы в другие суды по подсудности, 9 (11,84%) были прекращены производством, 28 (36,84%) рассмотрены по существу. Десять дел пришлось на остаток⁵.

Количественные показатели за 11 месяцев 1923 г. в порядке «кассационной деятельности по уголовным делам» характеризовались в статистическом отчете следующими данными: всего находилось в производстве 6 790 дел, из них поступило: от Губернских судов — 4 488 дел, от Военных трибуналов — 1 190, от Военно-Транспортного трибунала — 542. Осуществленный анализ с применением обобщающих величин в виде относительных показателей позволил прийти к выводу о преобладании поступления в Кассационную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РСФСР кассационных жалоб — 96,72%. Таким образом, доля кассационных протестов, поступивших в 1923 г. в Верховный Суд РСФСР, составила всего 3,28%. Программно-методологические задачи предпринятого исследования позволили установить, что 88,71% всех кассационных производств относились к группе дел «без высшей меры наказания». Применение статистического закона больших чисел позволило установить актуальные средние

³ Стучка П.И. Отчетный доклад Председателя Верховного Суда РСФСР П. Стучка и статистический отчет с диаграммами. М.: Верховный суд РСФСР, 1924. С. 4.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Там же. С. 76.

показатели, в том числе в контексте интенсивности ее работы, указывалось, что за отчетный период в Кассационной коллегии по уголовным делам состоялось 593 заседания, в ходе которых было рассмотрено 8 400 дел, таким образом, «в среднем на одно заседание падало 14 судебных дел»⁶.

В тексте отчета основной способ осуществленной сводки данных был зафиксирован как «суммирование общих цифровых данных по всем бывшим в производстве делам»⁷. Систематизация рядов распределения по месяцам в течение отчетного периода позволила установить высокий процент остатков нерассмотренных дел в течение 8 месяцев 1923 г. Однако данный относительный показатель постепенно снижался начиная с сентября 1923 г. Уголовной коллегией Верховного Суда РСФСР в течение 11 месяцев 1923 г. было отменено 573 приговора. При этом распределение причин таких отмен, согласно ст. 413 УПК РСФСР 1922 г., было осуществлено следующим образом: «недостаточность и неправильность следствия» — 170 (24,82%); «существенные нарушения норм судопроизводства» — 190 (27,74%); «нарушение или неправильное применение закона» — 146 (21,31%); «явная несправедливость приговора» — 38 (5,55%); «другие выводы» — 141 (20,58%). В 1923 г. Уголовной коллегией Верховного Суда РСФСР в порядке кассации было рассмотрено 686 дел с высшей мерой наказания (1 285 осужденных судами первой инстанции). Представленные в форме таблицы данные о «распределении осужденных к расстрелу в связи с определением Кассационной коллегии» были следующие: приговор утвержден — 655 (95,48%); приговор отменен — 103 (14,92%); наказание изменено по ст. 437 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР — 301 (43,88%); по амнистии — 226 (32,96%)⁸. В порядке судебного надзора было рассмотрено 30 дел с высшей мерой наказания, количество осужденных по которым составило 54 человека: в отношении 8 из них (14,82%) приговоры были утверждены; в отношении 23, или 42,59% от общего количества обжалуемых актов, приговоры были отменены; в отношении 23 осужденных приговоры были изменены.

В условиях становления гражданско-правовой статистики объемы обобщения

данных о содержании статистических показателей были существенно меньше, чем уголовно-правовой. Гражданской кассационной коллегией Верховного Суда РСФСР в 1923 г. в порядке кассации было рассмотрено 1 089 гражданских дел, в порядке судебного надзора — 1 358 дел. Статистические таблицы, представленная в рассматриваемом отчете Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ), позволила визуализировать данные по 10 месяцам 1923 г. (с февраля по ноябрь), с использованием в итоговых строках и графах как абсолютных, так и относительных показателей. Конкретизация по категориям судебных дел отсутствовала. Данное замечание отражало общее состояние развития статистического наблюдения по данной категории судебных дел, ведь первые учетно-статистические карточки по гражданским делам будут введены в СССР в 1937 г.⁹

Третий, заключительный, раздел статистического отчета Верховного Суда РСФСР достаточно коротко раскрывал «производство Верховсуда по дисциплинарным делам». В 1923 г. в Дисциплинарной коллегии было возбуждено 104 дисциплинарных производства. Из них на 1 декабря 1923 г. было окончено 92 производства и 12 числилось на остатке. Из оконченных производств: 21 прекращено, два переданы по подсудности в порядке уголовного судопроизводства, одно направлено в «Парторган» и большая часть, 68, рассмотрена по существу. В результате к 83 лицам были применены различные меры дисциплинарного взыскания. Из них: 38 человек (45,79%) были отстранены от должности с запрещением на определенный срок «работать в судебных должностях»; одно лицо перемещено на низшую должность (1,20%), 28 лицам (33,73%) был объявлен выговор, в отношении 16 (19,28%) было вынесено замечание.

В статистическом отчете Верховного Суда РСФСР за 1923 г. были зафиксированы ключевые статистические показатели о работе отделений Верховного Суда РСФСР в качестве суда 1-й инстанции, а также в порядке кассации и надзора за прошедшее первое полугодие. Отделения находились в г. Ташкенте (Туркестанское отделение), в г. Оренбурге (Киргизское отделение),

⁶ Там же. С. 69.

⁷ Там же. С. 68.

⁸ Там же. С. 67.

⁹ См. подр.: Латышева Н.А. История отечественной судебной статистики: учебное пособие. М.: РГУП, 2019. С. 109.

а также в г. Чите (Дальневосточное отделение). В данных отделениях рассматривались исключительно уголовные дела. К примеру, в кассационной инстанции всех отделений из 258 рассмотренных производств: по 101 — приговоры были утверждены (30,15%), по 130 — приговоры отменены (50,39%), по 20 производствам наказание изменено (7,75%), по 7 — производство прекращено (2,71%).

«Дополнительный отчет о деятельности Верховного суда РСФСР за время с 1 декабря 1923 г. по 1 января 1924 г.»¹⁰ был представлен отдельно. Данное разделение объяснялось «техническими условиями».

К завершению первой четверти XXI в. отдел статистического учета в составе Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ реализует в установленном объеме функции в сфере статистического наблюдения. Данный отдел обеспечивает сбор данных статистической отчетности и формирование отчетов о результатах деятельности суда, а также анализ данных судебной статистики, в том числе о деятельности судов общей юрисдикции во взаимодействии с Судебным департаментом. С учетом новейших технологических возможностей в сфере информатизации, реализации принципов обеспечения открытости информации о судебной деятельности Верховный Суд РФ начиная с 2014 г. по итогам каждого заверщенного полугодия и года обнародует актуальные сведения на основе осуществленного статистического анализа в виде обзоров о рассмотрении судом различных категорий судебных дел. Обязательность их размещения на официальном сайте закреплена в «Порядке организации доступа к информации о деятельности Верховного Суда Российской Федерации», который был утвержден Приказом Председателя от 14 января 2016 г. № 1-П (в редакции приказа от 27.11.2019 № 49-П)¹¹.

Структурно периодические (годовые и полугодовые) Обзоры статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде РФ статистических данных административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях

имеют несколько разделов, которые делятся на подразделы (далее — Обзор). Обзоры включают в себя восемь разделов, систематизированных на подразделы по отдельным направлениям судопроизводства. Принятая структура Обзора позволила расположить статистические показатели о работе современного Верховного Суда РФ, начиная со статистических сведений о работе Президиума. Разделы Обзора расположены в установленной последовательности и касаются рассмотрения: исковых заявлений, жалоб и представлений Апелляционной коллегией; исковых заявлений, жалоб и представлений Судебной коллегией по административным делам; жалоб и представлений Судебной коллегией по гражданским делам; жалоб и представлений Судебной коллегией по уголовным делам; жалоб и представлений Судебной коллегией по экономическим спорам; жалоб и представлений Судебной коллегией по делам военнослужащих; жалоб и представлений в Дисциплинарной коллегии. Абсолютные статистические показатели носят в Обзорах описательный характер, методика их формирования, с позиции теоретической статистики, отвечает как международным стандартам, так и отечественному специализированному национальному стандарту — ГОСТ Р ИСО/ТО 10017-2005 «Статистические методы»¹². Данный подход позволяет исследователям осуществлять самостоятельные оценки и выводы.

Традиционно наиболее актуальные статистические показатели о работе Верховного Суда РФ традиционно озвучиваются Председателем Верховного Суда РФ В.М. Лебедевым на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Оперативная обработка учетных данных и возможности консолидации посредством активного внедрения цифровых технологий позволяют обеспечить официальное представление самых актуальных статистических показателей в кратчайшие сроки после окончания отчетных периодов. Статистические показатели о состоявшейся судебной деятельности к итоговым общероссийским судебным совещаниям в последние годы были представлены: 13 февраля 2019 г. — за 2018 г., 12 февраля 2020 г. — за 2019 г.,

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.vsrfr.ru/files/666/> (дата обращения: 20.03.2022).

¹² ГОСТ Р ИСО/ТО 10017-2005 «Национальный стандарт. Статистические методы» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31.05.2005 № 111-ст). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200039940>

9 февраля 2021 г. — за 2020 г., 9 февраля 2022 г. — за 2021 г., с одновременным размещением доклада Председателя Верховного Суда РФ на официальном сайте суда. Широкому кругу пользователей глобальной информационной сети Интернет, кроме основного доклада, предоставляются для ознакомления презентации, содержащие графики, диаграммы, таблицы, с трендовыми линиями за несколько истекших лет, с широким применением относительных показателей. Итоговые количественные показатели об итогах работы Верховного Суда РФ также публикуются на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в размещаемых формах отчетов¹³.

100 лет, прошедших со времени издания первого Отчетного доклада Председателя Верховного Суда РСФСР за 1923 г., вышедшего тиражом в 5 тыс. экземпляров, позволили изменить содержание и методику создания статистических отчетов, обеспечить точность юридической техники, доступность статистической информации для ознакомления. Данный документ оказал определяющую роль в дальнейшем становлении и совершенствовании системы статистического наблюдения в отечественной судебной системе, развитии судебной статистики как специальной сферы научных знаний комплексного характера. В условиях эволюционного развития системы права, в том числе изменений процессуальных правил подсудности, а также применения исключительно автоматизированной обработки данных первичного учета количество обобщаемых показателей о деятельности

Верховного Суда РФ многократно увеличилось. Полнота, достоверность, своевременность предоставления и общедоступность статистической информации о деятельности Верховного Суда РФ коррелируют основным принципам официального статистического учета и системы государственной статистики, установленной в федеральном законодательстве¹⁴.

Первый статистический отчет Верховного Суда РСФСР за 1923 г. позволил апробировать способы решения программно-методологических вопросов в организации судебной деятельности. В содержании первого статистического отчета реализованы описательная и объяснительная функции статистического анализа. Высокое качество современных способов работы с первичными статистическими данными в Верховном Суде РФ позволяет проецировать дальнейшие перспективы, основанные на применении систем искусственного и гибридного интеллекта. Актуальной задачей в ходе дальнейшего судебного реформирования является развитие организационно-практической функции статистического анализа в судебной деятельности, которая позволит на основе полученных статистических данных использовать методы статистического моделирования, в том числе в ходе обозначенных векторов оптимизации в организации судопроизводства. При этом представляется важным обобщение общегосударственных и мировых тенденций в организации ведения статистического учета, которые изложены в Стратегии развития Росстата и системы государственной статистики Российской Федерации до 2024 года¹⁵.

¹³ На официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в разделе «Судебная статистика» публикуются заполненные формы за 6 и 12 месяцев: № 8-н «Отчет о работе Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению уголовных дел в порядке надзора»; № 9-н «Отчет о работе Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению гражданских дел, административных дел в порядке надзора». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896>

¹⁴ Федеральный закон от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (ред. от 11.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Стратегия развития Росстата и системы государственной статистики Российской Федерации до 2024 г. (утв. Приказом министра экономического развития Российской Федерации от 06.09.2019 № МО-104). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Strategy.pdf>

Литература

1. Андрюшечкина И.Н. Судебная статистика : учебное пособие / И.Н. Андрюшечкина. Москва : РГУП, 2016. 272 с.
2. Латышева Н.А. История отечественной судебной статистики : учебное пособие / Н.А. Латышева. Москва : РГУП, 2019. 268 с.
3. Савюк Л.К. Правовая статистика / Л.К. Савюк. Москва : Юрист, 2002. 587 с.
4. Стучка П.И. Отчетный доклад Председателя Верховного Суда РСФСР П. Стучка и статистический отчет с диаграммами / П.И. Стучка. Москва : Верховный суд РСФСР, 1924. 96 с.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-8-61-64

О тенденции усложнения российского уголовного процесса

Васяев Александр Александрович,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского экономического института,
докторант кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
Advokat.mgka2@gmail.com

В статье исследуются тенденции усложнения законодательной регламентации российского уголовного процесса в свете реформирования российского законодательства. Автор рассматривает оптимизацию уголовно-процессуального законодательства через призму ее восприятия и оценки участниками уголовного судопроизводства и научным сообществом. Рассматриваются проблемы целесообразности дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальных норм для эффективности их правового применения. Актуальность исследования обусловлена неоднозначностью подходов к стремлению законодателя к периодическому обновлению действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что зачастую вызывает трудности его восприятия участниками уголовного процесса и подвергается критической оценке в научных кругах.

Ключевые слова: уголовный процесс, реформирование, усложнение, совершенствование, оптимизация, эффективность.

On the Tendency towards Complication of the Russian Criminal Procedure

Aleksandr A. Vasyaev

Associate Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines
of the Moscow Economic Institute

Doctoral Student of the Department of Advocacy of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (Law), Associate Professor

The article examines the trends in the complication of the legislative regulation of the Russian criminal process in the light of the reform of Russian legislation. The author examines the optimization of criminal procedure legislation through the prism of its perception and evaluation by participants in criminal proceedings and the scientific community. The problems of expediency of further improvement of criminal procedure norms for the effectiveness of their legal application are considered. The relevance of the study is due to the ambiguity of approaches to the legislator's desire to periodically update the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which often causes difficulties in its perception by the participants in the criminal process and is critically evaluated in scientific circles.

Keywords: criminal procedure, reforming, complication, improvement, optimization, efficiency.

20 лет назад был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ)¹. В течение этого периода он претерпевал многократные изменения и дополнения, что обуславливает необходимость постоянного осмысления и анализа пройденного пути, накопленного опыта и на базе как достижений, так и недостатков, сформулировать новые направления развития уголовного процесса.

Изучение практики по уголовным делам и анализ уголовно-процессуального законодательства заставляют обратиться к трудам ученых прошлого, в которых содержатся ответы на актуальные вопросы, стоящие перед современным уголовным процессом. Среди них: 1) как добиться того, чтобы уголовное судопроизводство олицетворялось со спра-

ведливостью; 2) как обеспечить реализацию воспитательной функции уголовно-процессуального права, чтобы из суда граждане выносили уважение к закону, уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству²; 3) как реализовать высокие идеи о нравственном содержании уголовного правосудия, о справедливом суде, о развитии состязательных начал как гарантии выяснения сложных, подчас противоречивых, запутанных обстоятельств совершенного деяния, об обвинителе и защитнике, которые выступают в качестве помощников судьи в выявлении обстоятельств дела и установлении истины³

Следует констатировать, что современный уголовный процесс, согласно тенденции его постоянного изменения и дополнения

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

² Кони А.Ф. Собрание сочинений : в 8 т. / под общ. ред. В.Г. Базанова и др. ; вступ. ст. С. Волка, М. Выдри, А. Муратова. М., 1967. Т. 4. С. 360.

³ Там же. С. 50–60.

и выше определенным целям его развития, еще далек до совершенства. В нем прослеживается как несовершенство гарантий судебной и следственной деятельности, обуславливающих принятие объективных, обоснованных и справедливых решений, так и гарантий прав участников уголовного процесса, отстаивающих свои или представляемые права, свободы и законные интересы. Последние позволили бы оказывать необходимое (обоснованно допустимое) воздействие на дознавателя, следователя и судью, чтобы установление обстоятельств уголовного дела велось всесторонне и объективно. В этой связи важно обратить внимание законодателя и правоприменителя на целый ряд проблем, из-за которых у физических и юридических лиц, сталкивающихся с уголовным судопроизводством, пропадает вера в справедливость, в разумные сроки его осуществления, в неизбежность соблюдения регламентированных прав и свобод, в должное отношение со стороны представителей дознания, следствия и суда к иным участникам уголовного процесса и др.

Казалось бы, при разработке УПК РФ можно было учесть проверенные историей развития Российского государства и права институты уголовно-процессуального права. Их, как нам представляется, следовало закрепить в УПК РФ, чтобы система прав участников уголовного процесса, баланс интересов сторон, процедура уголовно-процессуального доказывания и роль судьи в деле свидетельствовали о нравственных основах отправления правосудия, правозащитном предназначении уголовного судопроизводства. Однако с периодичностью появляются все новые изменения и дополнения в уголовно-процессуальный закон, число которых не счесть, а логику их образования не всегда представляется возможным проследить. Между тем уголовный процесс — это самая политизированная отрасль права. Именно по сфере уголовного судопроизводства судят о развитии демократических начал в государстве, о том, можно ли считать государство правовым. В реальности налицо политическая нестабильность, ангажированность целого ряда вопросов и далеко не в угоду общему делу противодействия преступности и защиты прав и свобод физических и юридических лиц. Эти изменения и дополнения никак не выправляют сложную ситуацию с отношением граждан к уголовному судопроизводству как к несправедливой, формализованной, бюрократичной системе.

В этой связи можно проследить нарастающее внимание к основному кодифицированному источнику уголовно-процессу-

ального права — УПК РФ — как участников уголовного процесса, так и экспертного сообщества.

Страницы научных журналов изобилуют новыми публикациями, центральной темой которых являются критический анализ уголовно-процессуального законодательства, и многочисленными предложениями, связанными с его усовершенствованием. Структура и содержимое УПК РФ образца 2021 г. разительно отличаются от кодекса, изначально принятого в декабре 2001 г.

В многообразии различных факторов, определяющих развитие современного уголовно-процессуального законодательства, можно выделить несколько основных:

— *влияние международных стандартов в сфере уголовной юстиции на российское уголовное судопроизводство.* Среди важнейших уголовно-процессуальных норм и институтов, появившихся в уголовно-процессуальной системе Российской Федерации при неотъемлемом воздействии на нее позиций Европейского суда по правам человека, следует назвать разумный срок уголовного судопроизводства, права участников проверки сообщения о преступлении, оглашение в судебном заседании показаний отсутствующего свидетеля, альтернативные заключению под стражу меры пресечения и др.;

— *оптимизация процессуальных ресурсов и повышение эффективности уголовного судопроизводства.* Первоначально в УПК РФ был регламентирован особый порядок рассмотрения в суде уголовных дел в упрощенной форме (глава 40 УПК РФ). В 2009 г. наблюдается распространение данной процедуры на дела с заключенными досудебными соглашениями о сотрудничестве (глава 401 УПК РФ), а в 2013 г. УПК РФ регламентирует правовое регулирование института сокращенного дознания (глава 321 УПК РФ). Отказ от разработанных форм процессуальных документов и др.;

— *социальный запрос на повышение независимости суда, состязательности уголовного судопроизводства.* Потребности общества в повышении независимости судей, доверия общества к суду, транспарентности и качества правосудия привели к реформированию в 2016 г. суда с участием присяжных заседателей (Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей») и др.;

— *снижение степени уголовной репрессии.* В контексте этой тенденции в уголовном и уголовно-процессуальном законах появились институты, регламентирующие новые

виды освобождения от уголовной ответственности. В 2011 г. была принята ст. 281 «Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба», касающаяся ряда уголовных дел о налоговых и иных экономических преступлениях (Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»). В 2016 г. УПК РФ дополнен нормами о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации») и др.;

— *цифровизация современного общества* — с целью адаптации достаточно архаичного «бумажного» уголовного процесса к потребностям сегодняшнего дня, возможностью использования современных информационных технологий в процессе производства по уголовным делам.

Нельзя не согласиться с Л.Г. Коноваловой, подчеркивающей, что юридическая наука все чаще подвергает действующее законодательство всевозможным критическим оценкам. Основные нарекания, как правило, сводятся к «двум группам замечаний — к отсутствию справедливости содержания многих законов и к несоблюдению требований юридической техники»⁴. В этой связи можно говорить о фактической нестабильности УПК РФ, обусловленной многократными внесенными изменениями и дополнениями.

О непоследовательности и хаотичности процесса формирования отечественного уголовного процесса, об отсутствии понятного вектора его развития неоднократно подчеркивалось в экспертных и научных кругах.

Определив данное явление как «„эффект размывания“ в противоположность обратному и ожидаемому при кодификации „эффекту кристаллизации“», Л.В. Головкин подчеркивает, что «для теории кодификации такого рода „эффект“ — это нонсенс, ставящий под сомнение саму кодификацию, которой как будто и не было, т.е. которая выглядит больше номинальной, нежели реальной»⁵.

⁴ Коновалова Л.Г. Проблемы реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 10. С. 69.

⁵ Головкин Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации»

Трансформация уголовно-процессуального законодательства все чаще рассматривается с позиций междисциплинарного подхода, учитывающего генезис смежных общественных наук (социологии, философии, политологии, истории). Имеют право на существование, как нам представляется, и работы, акцентирующие роль естественно-научных исследований (это достижения в квантовой физике, нейронауке).

В последнее время следует отметить появление ряда работ, в которых юристам советуют обратить внимание на достижения естественных наук, таких как квантовая физика и нейронаука (науки о мозге)⁶. Обращение в данном случае к естественно-научным исследованиям обусловлено точностью, доказательностью и экспериментальной верифицируемостью.

По мнению С.Б. Россинского, «Уголовно-процессуальный кодекс РФ явно перегружен положениями сугубо технического характера, не имеющими никакого „высокого“ предназначения и не обусловленными никакими правовыми гарантиями эффективности или доброкачественности получаемых результатов»⁷.

В этой связи согласимся с А.В. Победкиным в том, что «УПК РФ зыбок, эклектичен, дискретен, труден для понимания и применения. Правоприменитель знает, что УПК РФ надо соблюдать, однако уже плохо в это верит. Вслед за растерявшимися должностными лицами, отвечающими за качество уголовного судопроизводства, веру в возможности УПК РФ теряет и население»⁸.

Усложнение уголовного процесса, как результат усложнения всех общественных процессов, так или иначе сказывается на отношении российских граждан к законодательной и исполнительной власти государства.

Поступательное развитие общества обуславливает необходимость появления новых видов жизнедеятельности, требующих их нормативно-правового регулирования. При этом, как следствие, отмечается рост

или «эффект размывания»? // Законы России. 2021. № 6. С. 4.

⁶ Полубинская С.В. Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 5. С. 9–37.

⁷ Россинский С.Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России. 2021. № 6. С. 42.

⁸ Победкин А.В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3 (32). С. 101.

юридических споров, характеризующийся усложняющимся правовым статусом участвующих в них субъектов.

Наряду с законами уголовно-процессуальная сфера регламентируется большим объемом подзаконных актов, положений, регламентов, инструкций и пр. В стремительном потоке информации, также сопровождающейся цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, рядовому гражданину, выступающему участником (субъектом) уголовного судопроизводства, сложно воспринимать все тонкости далеко не всегда понятного ему законодательства.

Сложность ситуации заключается еще и в том, что подзаконное нормативное регулирование требует большого количества форм отчетности, справок, уведомлений каждого участника правового спора, оформления результатов и других обязательных бюрократических процедур. Все сказанное свидетельствует о том, что в уголовном судопроизводстве реальная практическая деятельность утяжеляется чрезмерным «бумаготворчеством».

Оптимизация деятельности зависит от многих факторов, которые так или иначе влияют на скорость и обоснованность принимаемых решений. Для целей оптимизации в первую очередь необходим учет таких факторов в уголовном судопроизводстве, как уголовно-процессуальная форма, допустимость разрешения уголовного дела на досудебных стадиях, внедрение упрощенных процедур. Следует принимать во внимание и степень влияния включения какой-либо законодательной нормы на оптимизацию уголовно-процессуальной деятельности.

Постепенно приходит и осознание необходимости усовершенствования социальных технологий, направленных на адаптацию

законодательных норм к реальной практике. Для уголовно-процессуального закона актуальность данных направлений неоспорима, так как природа судебного процесса неотделима от активной социальной практики, цель которой — преобразовать противоправное поведение в правомерное, тем самым предотвратить либо минимизировать негативные его последствия.

Все вышеизложенное также обуславливается оторванностью теории уголовного процесса от законодательного процесса в сфере уголовного судопроизводства. Большое число актуальных предложений теории уголовного процесса по его реформированию остается вне внимания законодателя.

Резюмируя изложенное, отметим, что развитие уголовно-процессуального законодательства на протяжении последних лет обусловлено совокупностью разнообразных факторов, детерминировано развитием общества в целом и его правовой системы. К числу основных факторов, определяющих вектор развития современного уголовного судопроизводства, следует, на наш взгляд, отнести влияние международных стандартов в сфере уголовной юстиции на российское уголовное судопроизводство, оптимизацию процессуальных ресурсов и потребности в повышении эффективности уголовного судопроизводства, социальные запросы на укрепление независимости суда, состязательность уголовного судопроизводства, потребности общества в снижении степени уголовной репрессии, цифровизацию современного общества. Таким образом, выявленные векторы способны стать основой разработанной и утвержденной концепции развития уголовно-процессуального законодательства, которой не существует на сегодняшний день.

Литература

1. Головки Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? / Л.В. Головки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 3–6.
2. Кони А.Ф. Собрание сочинений. В 8 томах / А.Ф. Кони ; под общей редакцией В.Г. Базанова [и др.] ; вступительные статьи С. Волка, М. Выдри, А. Муратова. Т. 4 / составитель и автор комментария М.М. Выдри ; вступительная статья И.Д. Перлова. Москва : Юридическая литература, 1967. 543 с.
3. Коновалова Л.Г. Проблемы реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации / Л.Г. Коновалова // Государство и право. 2020. № 10. С. 67–80.
4. Победкин А.В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция / А.В. Победкин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3 (32). С. 101–111.
5. Полубинская С.В. Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике / С.В. Полубинская // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 5. С. 9–37.
6. Россинский С.Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42–46.